

МИРЫ
ЛОРЫ ТАЛАССЫ

ЛОРА ТАЛАССА

ВОЙНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
Т16

Laura Thalassa
WAR

The moral rights of the author have been asserted

*Печатается с разрешения литературных агентств
Brower Literary & Management, Inc., и Andrew Nurnberg.*

Дизайн обложки: Ольга Жукова

Таласса, Лора.

Т16 Война : роман / Лора Таласса ; пер. с англ. Е. Мигуновой, О. Полей, В. Савельевой. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 608 с. — (Миры Лоры Талассы).

ISBN 978-5-17-136089-4

Четыре Всадника пришли в наш мир, чтобы уничтожить человечество. Вслед за Мором, явился его брат — Война.

Все кончено. Город в огне, улицы залиты кровью, и вряд ли Мириам удастся выжить, особенно после того как ее замечает Война — тот, кто разрушает города и несет гибель всему живому. Тот, кто послан, чтобы стереть род людской с лица земли.

Всадник настигает Мириам, но... вместо того, чтобы убить, называет ее своей женой и открывает ей свое сердце. Однако любовь и смерть — плохие соседи. Мириам придется сделать выбор: уступить Войне и стать свидетелем гибели человечества, или пожертвовать всем и остановить катастрофу.

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-136089-4

Copyright © 2019. WAR by Laura Thalassa
© Е. Мигунова, О. Полей, В. Савельева,
перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Нежной памяти Роберта Х.
Навеки твоя «младшая сестренка»

Когда снял Он вторую печать, услышал я второе животное, говорящее: иди и смотри.

И вышел другой конь, рыжий; и всаднику его даровано было уничтожить мир на земле, развязать битву между людьми; и дан был ему огромный меч.

Откровение Иоанна Богослова. 6:3-4

*«Убить их всех!» — вскричал,
с цепи собак войны спуская;
Чтоб злодеяньем сем заволокло весь свет,
Укрыв его смердящей плотью тел,
Молящих о покое.*

Уильям Шекспир*

* Перевод И. Б. Мандельштама.

Глава 1

Всадники. Год Тринадцатый

Иерусалим, Новая Палестина

Новый день начинается, как и большинство предыдущих. С кошмара.

Взрыв гремит в ушах, ударная волна сбивает с ног, я падаю в воду.

Тьма. Пустота. А затем...

Я судорожно хватаю ртом воздух. Повсюду вода и огонь, и... и... боже, эта боль — только боль, боль, боль. От ее острых укусов перехватывает дыхание.

— Мама! Мама, мамочка!

Я ее не вижу. Никого не вижу.

— Мам!

Небо нависает над головой, я кашляю от дыма. Ремень сумки обвился вокруг лодыжки и тянет меня все ниже.

Нет! Я брыкаюсь, стараюсь выбраться на поверхность, но все напрасно — цель только отдаляется.

Легкие пылают. Солнечный свет тускнеет, как бы сильно я не сопротивлялась.

Открываю рот, чтобы позвать на помощь.

И захлебываюсь водой...

Со вздохом я сажусь на кровати.

На стене мерно тикают часы, маятник раскачивается — вперед-назад, вперед-назад.

Пытаясь перевести дыхание, касаюсь пальцами шрама у основания шеи. Простыни сбились, опутали лодыжки. Я выбираюсь из них и сползаю с постели. Прихватив коробок спичек, зажигаю масляную лампу. Вспыхнувший огонек на мгновение выхватывает нашу семейную фотографию, но я тут же поднимаю руку выше, освещая часы.

3:18 утра.

Ох... Растираю лицо ладонями, ставлю лампу на верстак, отодвигая то, чем он завален: перья, стеклянные наконечники, кусочки пластика.

С тоской смотрю на кровать. Увы, заснуть уже не получится, а значит, вариантов два: взяться за последний заказ, либо отправиться на охоту. Бросаю взгляд на стену, где, едва различимые в темноте, висят несколько моих последних работ: просмоленные луки и расписные стрелы.

Шикарное оружие ручной работы теперь продается за копейки.

В комнате слишком темно, не рассмотреть висящие на той же стене фотографии, но я ощущаю, как в горле встает ком.

Пока недавний кошмар еще свеж, мне не хочется оставаться наедине с воспоминаниями, наполняющими эту квартиру.

Решено — вперед, за добычей!

Под подошвами ботинок хрустит гравий. Я петляю по улицам Иерусалима, вооружившись верным луком, колчаном со стрелами и холщовой сумкой, в которую складываю находки. На бедре висит кинжал, а в сумке лежит небольшой топорик.

Прохожу мимо пустой мечети; когда я вернусь, она будет полна народа. В конце улицы — синагога, темная и зловещая, с заколоченными провалами окон. Некогда величественное здание сейчас выглядит смиренно, словно не его стены прежде гордо возносились к небу. Улицы пусты, лишь изредка попадаются палестинские патрули. Меня они не трогают, но провожают долгими мрачными взглядами.

Когда-то все было иначе. Я смутно помню детство, но оно было счастливым. В те дни мне не о чем было беспокоиться, а это почти равнозначно счастью. Теперь же тревоги камнем давят на плечи. И даже недавний кошмар кажется более реальным, чем та, прошлая жизнь. Я оглядываюсь, нащупывая на запястье браслет с амулетом-хамсой*. Стоит лишь не-

* Хамса — ближневосточный защитный амулет в форме открытой ладони с пятью пальцами. Мусульмане также называют этот символ «рука Фатимы», а иудеи — «рука Мириам».

много расслабиться, почувствовать себя чуть спокойнее, как кто-нибудь нападет.

Да, когда-то все было иначе, но, вот она, моя реальность. С тех самых пор, как на землю ступили Всадники. Перед глазами вновь проносится первый день их Пришествия, словно он был только вчера.

Я в четвертом классе. Лампочки на потолке одна за другой вспыхивают и взрываются, в ушах звенит от криков одноклассников. Мне не повезло — я сидела у самого окна и видела, как машины, чьи двигатели замерли в одну секунду, врезались во все — во всех, — что оказывалось у них на пути.

Я видела, как машина сбила женщину, видела ее широко распахнутые глаза за секунду до столкновения. Иногда, вспоминая это, вместо незнакомой женщины я вижу своего отца. Интересно, с ним было так же? Я не видела его изуродованное тело, только слышала, что его сбил автобус.

Люди говорят, что жизнь изменилась в один миг, и я с ними согласна. Рождение, смерть и четверо странных мужчин, явившихся на землю, чтобы уничтожить мир, — вот составляющие этих перемен.

Но самые коварные изменения происходят постепенно. Первый день закончился, начался второй, и оказалось, что нужно выживать в мире, где машины больше не ездят, телефоны не звонят, компьютеры не работают, и множество людей погибли в одночасье. Но со временем мы привыкли к этой ужасной жизни. Так я прожила большую часть своих двадцати двух лет.

Я направляюсь в западный конец города. Прохожу мимо голубятни, где в этот ранний час тоже тихо. Раньше новости можно было узнавать мгновенно. Теперь же самый быстрый способ отправки сообщений — почтовые голуби, и нет никаких гарантий, что письмо доберется до адресата с первой попытки... И вообще доберется.

Уже целый месяц по ночам очень тихо. Здесь никогда не было особенно шумно, но эта тишина *другая*. В безветренном воздухе ощущается тревога.

Наверное, это всего лишь слухи... Однако с востока к нам приходят странные истории, похожие на страшилки, которые рассказывают у костра темной ночью. Истории о том, как вымирают целые города. Об улицах, усеянных костями, и о кладбищах, земля на которых изрыта свежими могилами. И посреди руин и хаоса с мечом в руке, верхом на кроваво-красном жеребце, едет Война.

Не знаю, насколько эти рассказы правдивы — теперь слишком многому приходится верить на слово, — но в последнее время жители Иерусалима подавлены больше обычного. Некоторые покидают город... Я бы тоже уехала, если бы у меня были деньги, чтобы добраться туда, куда я хочу. Но увы, денег нет, и я остаюсь.

Я приближаюсь к Иудейским горам, которые окружают город, и вдруг слышу эхо шагов за спиной. Возможно, это кто-то из Братства мусульман... Или палестинские полицейские. Или такой же *призрак*, как я. Или проститутка, которая ищет клиента.

Скорее всего, ничего серьезного. И все же я мысленно повторяю пункты из кодекса выживания. «Руководство по выживанию в этом гребаном мире» составила я, Мириам Альмахди». Итак:

1. Не нарушай правила, а обходи их.
2. Всегда говори правду.
3. Не привлекай внимания.
4. Прислушивайся к своим инстинктам.
5. Будь храброй.

Пять простых правил, которые — даже если соблюдать их не всегда было легко — помогали мне оставаться в живых последние семь лет.

Прибавляю шаг, в надежде оторваться от того, кто идет за мной. Шаги за спиной тоже становятся быстрее. Я вздыхаю. Сняв с плеча лук, достаю из колчана стрелу, натягиваю тетиву и, резко обернувшись, целюсь в темную фигуру.

— Стой, где стоишь! — приказываю я.

Темный силуэт замирает метрах в десяти от меня. Поднимает руки, делает небольшой шаг вперед.

— Я просто хотел узнать, что такая девушка делает на улице одна в столь поздний час! — выкрикивает мужчина.

Варианты с проституткой и полицией можно вычеркивать. Он либо из Братства, либо из какой-нибудь местной банды. Или обычный горожанин, который ищет женской ласки за деньги. И, конечно, он может

оказаться *призраком*, как и я, и хочет отобрать мою добычу.

— Я не проститутка, — предупреждаю его.

— Я этого и не думал.

Еще один вариант отпадает.

— Если ты из Братства, — продолжаю я, — имей в виду: я уже внесла плату за этот месяц.

Плату за возможность спокойно передвигаться по городу.

— Я не из Братства, — отвечает мужчина.

Призрак?

Он делает шаг ко мне, затем еще один. Снова натягиваю тетиву, лук поскрипывает от натуги.

— Я не причиню тебе вреда, — говорит мужчина так тепло, что хочется ему поверить. Но я давно верю не словам, а делам.

Значит, он преступник. Люди заговаривают тебе зубы, только если им что-то нужно. Что бы ему ни понадобилось, уверена, мне это не понравится.

— Сделаешь еще шаг, и я выстрелю, — говорю я.

Мы замираем друг напротив друга. Незнакомец стоит в тени, между пятнами газовых фонарей. Я почти не вижу его, но, кажется, он собирается уйти. Мудрое решение.

Однако шаги возобновляются — один, второй, третий...

На мгновение закрываю глаза. День начинается из рук вон плохо!

Мужчина идет быстрее; наверное думает, что я не выстрелю. Он же не знает, что для меня в этом нет ничего нового.

Прости.

Я отпускаю тетиву.

В темноте я не вижу, куда попала стрела, но слышу сдавленный вздох и звук, с каким падает тело. Несколько секунд стою, не шевелясь. Потом медленно отпускаю лук и подхожу ближе, готовая в любой момент выхватит ькинжал.

Стрела вонзилась в горло, по земле растекается кровь. Мужчина тяжело дышит, хрипит, судорожно сжимает стрелу пальцами. Я вглядываюсь в его лицо. Как и следовало ожидать, он мне не знаком. Вот и хо-рошо.

Замечаю сумку незнакомца и, присев на корточки, начинаю в ней рыться. Веревка, лом, нож... Набор убийцы-новичка. Мне становится не по себе. У большинства плохих поступков есть причины — жадность, власть, похоть, чувство, стремление сохранить свою жизнь, но столкнуться с человеком, который хочет причинить тебе боль не ради высокой цели, а просто ради удовольствия, неприятно.

Незнакомец дышит все реже, потом затихает. Его грудь перестает вздыматься. Убедившись, что он умер, вытаскиваю стрелу из тела, вытираю о его штаны и убираю обратно в колчан. Никто не станет выяснять, что тут произошло. Никто не будет наказан. А к обеду, когда солнце поднимется высоко, тела

уже здесь не будет — его уберут, и город вскоре обо всем забудет.

В последний раз взглянув на мужчину, вновь касаюсь пальцами браслета с амулетом и продолжаю путь.

Иду к холмам на западе, стараясь не думать об убитом и о том, чего он хотел. И еще о том, как я, не дрогнув, спустила тетиву. Потираю лоб, провожу рукой по губам. Я начинаю все проще относиться к смерти, и это настораживает.

Холмы плавно перетекают в горы, и я сворачиваю с дороги в небольшой лесок. Солнце поднимается все выше, темно-синее небо становится пепельно-серым. Выше на склоне холма стоит заброшенный недостроенный дом.

Я направляюсь к нему. Остовы домов, нагромождения блоков и арматуры стали привычным зрелищем, но мне нужно не здание, а деревья, окружающие его. Подойдя к сосне, достаю из сумки топорик и начинаю рубить толстую ветку. Из этой древесины получают лучшие луки и стрелы.

Проходит четверть часа, и вдруг мне кажется, что я что-то слышу. Замираю, повернувшись к дороге, прислушиваюсь. Холмы, покрытые деревьями, окутывает тишина... Секундочку! Вот, снова... Едва слышно. Не понимаю, что это, но звук ровный и размеренный. Может быть, одинокий путник? Бросившись к дому,

тихо проскальзываю внутрь. Не хочется второй раз за ночь нарываться на неприятности.

Пол покрыт грязью, засыпан сухими листьями. Я замечаю несколько окурков. Судя по всему, этот дом начали строить уже после Пришествия — на стенах нет ни розеток, ни тонких водопроводных труб. Когда на землю явились Всадники, о подобной роскоши пришлось забыть, и как бы мы ни пытались, восстановить ничего не удалось.

Стараясь держаться в тени, пробираюсь к пустому оконному проему. Чувствую себя трусихой, которая прячется из-за любого шороха, но я считаю, что лучше быть трусом, чем трупом.

Через некоторое время звук становится громче, теперь он слышен отчетливо.

Цок. Цок. Цок.

Кто-то едет верхом.

Осторожно выглядываю из окна. Небо окрашивается розовым, растущие вокруг дома деревья и кусты частично заслоняют от меня дорогу, и путешественника пока не видно. Но когда его удастся разглядеть... Я ахаю.

На кроваво-красном жеребце скачет не человек, а настоящий монстр. За спиной у него тяжелый меч, в темных волосах поблескивают золотые монеты, глаза густо подведены черным. Из-за высоких скул и хмурого выражения лица он кажется бесчувственным, будто закаменевшим.

В первое мгновение мозг просто отказывается воспринимать увиденное. Потому что все это не-

правильно! Не бывает у лошадей такой алой шерсти, не может человек быть таким огромным, даже сидя верхом. Впрочем, если слухи не врут, кое-кто все-таки может...

Меня бьет дрожь.

Нет!

Господи, нет.

Ведь, если слухи о его внешности правдивы, значит, мужчина, на которого я смотрю... Война?

Легкие сдавливает от одной мысли.

Если слухи не лгут... Иерусалиму конец!

С губ срывается вздох, и Война — если это, конечно, он — поворачивается в мою сторону. Я отшатываюсь от окна. Боже мой, боже мой, боже мой! Это же Всадник Апокалипсиса! Всего в двадцати метрах от меня.

Стук копыт стихает, а затем внезапно раздается в стороне от главной дороги. Слышу, как мерное *цок-цок-цок* приближается ко мне.

Зажимаю рот рукой, стараюсь не дышать и крепко зажмуриваюсь. Слышу хруст сухих веток под копытами, громкое фырканье коня.

Не знаю, насколько близко успел оказаться Всадник, прежде чем остановился. Кажется, он замер у самой стены, и если я поднимусь и высуну руку из окна, то смогу погладить его алого жеребца. От этой мысли волоски на руках встают дыбом.

Я жду, когда Всадник спешится. Неужели, это действительно Война?

А почему нет? Иерусалим на протяжении столетий был центром нескольких религий. Неплохое место для конца света — есть даже предсказание, что в Судный день он начнется именно здесь. Так что удивляться нечего. И все же я потрясена...

Проходит несколько мучительно долгих минут, и шаги жеребца Войны — черт, кажется, я все же признаю, что это Война — начинают удаляться. Жду, пока Всадник отъедет подальше, и только тогда позволяю себе всхлипнуть. От пережитого страха по щеке стекает слеза.

Боже мой!

Не двигаюсь. Нельзя, Война еще слишком близко.

Но стоит мне подумать, что он наконец-то уехал, вновь раздается стук копыт. Множества копыт.

Кто может следовать за Всадником?

Звук усиливается, становится громоподобным.

Я вновь выглядываю из оконного проема. От увиденного дыхание вновь перехватывает: узкую дорогу заполнили сотни конных воинов, вооруженных луками, мечами, саблями...

Сердце колотится все быстрее, но я стою неподвижно и боюсь даже вздохнуть. Я жду, когда они проедут, но поток все не иссякает — за всадниками следуют пехотинцы, следом катятся повозки. Чем дальше я смотрю, тем понятней становится: их не сотни — тысячи. И все они следуют за Войной.

Всадник Апокалипсиса не просто почтил своим визитом Иерусалим.

Он решил захватить город.

Глава 2

Жду, когда последний воин пройдет мимо, и только тогда выбираюсь из укрытия. На ватных ногах выхожу из развалин. Я просто не представляю, что делать дальше, ведь я не святая и не герой.

Смотрю на дорогу, убегающую на запад, — туда, откуда пришли всадники. Заманчивый вариант... Затем бросаю взгляд обратно — в ту сторону, где город. Туда, куда устремилась армия Войны. Туда, где мой дом.

«Беги, — звучит в голове голос матери, — уходи и никогда не возвращайся. Спасайся».

И я бросаюсь к дороге. Окидываю взглядом оба пути — на запад, прочь от города, и на восток, назад в Иерусалим. Потираю лоб. Что же мне делать?

Мысленно вновь повторяю руководство по выживанию: «Не нарушай правила, а обходи их. Говори правду. Не привлекай внимания. Прислушивайся к своим инстинктам. Будь храброй».

Всегда будь храброй.

Но руководство учит, как выжить. Не нужно быть гением, чтобы понять: дорога на запад увеличит мои

шансы на спасение, а на восток — наоборот. Тут даже думать нечего, нужно идти на запад.

Однако стоит ступить на дорогу, и ноги отказываются идти прочь. Я направляюсь к Иерусалиму. Туда, где ждет дом и целая армия всадников. Что это? Глупость или нездоровое любопытство?

Или, может быть, даже приближение конца света не выжгло из моей души бескорыстие и самоотверженность?

Но я не святая, нет.

Когда я, наконец, добираюсь до города, улицы уже залиты кровью.

Зажимаю нос рукой, пытаюсь заглушить тошнотворный запах, пропитавший все вокруг. Окровавленные тела валяются прямо на дороге, приходится их обходить. Большинство зданий объаты огнем, повсюду клубится дым, оседает пепел.

Где-то вдалеке слышатся крики, но в этой части города, там, где я сейчас, живых больше нет. Тишина оглушает.

До того, как Новая Палестина стала «Новой Палестиной», вооруженные силы Израиля призвали большую часть населения. Когда гражданская война закончилась, в нашей стране отменили обязательную службу в армии, однако, многие молодые люди все же учились владеть оружием. Но я окидываю взглядом улицы и понимаю: все было напрасно. Сколько бы

эти люди ни учились, как бы много ни знали, их все равно настигла смерть.

О чем я только думала, зачем вернулась?

Крепче перехватываю лук, достаю стрелу и вкладываю в тетиву.

Какого черта я вообще беспокоюсь об этих людях? После того, что мусульмане сделали с иудеями, а те — с мусульманами, и того, что они вместе сделали с христианами, друзьями и представителями других мелких религий, нужно было оставить все, как есть. И радоваться, что город сгорит дотла.

«У всех религий одна цель — спасение, — слышу я слова отца, отголосок прошлого. — Все мы похожи».

Иду все быстрее, держа лук наготове. Город разрушен. Чем дальше, тем больше зданий охвачено огнем, тем больше мертвых тел я вижу. Я вернулась слишком поздно. Слишком поздно для этого города и его жителей.

Пройдя еще несколько кварталов, начинаю замечать на улицах живых людей. Они бегут. Бежит женщина с сыном на руках. За ней мчится всадник.

Не успев даже подумать, я скидываю лук и выпускаю стрелу.

Она попадает всаднику в грудь, сбрасывает его с лошади.

Оглядываюсь и успеваю увидеть, что женщина с ребенком скрылись в здании.

Что ж, они теперь в относительной безопасности. Но вокруг полно других людей, которые сражаются за свою жизнь. Выхватить еще одну стрелу, натя-

нуть тетиву, отпустить ее. Снова и снова. Некоторые стрелы не достигают цели, но я рада, что убила хотя бы нескольких захватчиков.

Дальше приходится двигаться осторожно. Люди высовываются из окон, швыряют в армию захватчиков все, что попадается под руку. Не сбавляя шаг, краем глаза замечаю, как с балкона сталкивают мужчину. Он падает на горящий навес, я слышу его предсмертные крики.

В какой-то момент солдаты Войны вдруг замечают меня и понимают, что я представляю опасность. Один из них, сидя верхом на лошади, целится в меня из лука, но промахивается. *Схватить стрелу, натянуть тетиву, отпустить ее.* Я попадаю ему в плечо. *Схватить стрелу, натянуть тетиву, отпустить ее.* Моя стрела вонзается ему в глаз.

Нужно больше стрел. И другого оружия.

Я устремляюсь к своей квартире, которая находится всего в паре кварталов отсюда, и шепотом молюсь, чтобы мне хватило стрел. Конечно, есть еще кинжал, но с ним не выстоять против противника, который крупнее меня, а они все такие.

Дорога до дома занимает примерно полчаса. Я живу в старом заброшенном здании — впрочем, его никто не собирается сносить. Дом пострадал во время сражения несколько лет назад, и большинство жильцов его покинуло. Но не я. Можете считать меня сентиментальной, но я выросла в этих стенах.

Добравшись до дома, вижу, что главный вход охвачен огнем. Черт, почему я об этом не подумала? Окидываю дом взглядом: он каменный, и, если не считать входа, выглядит нормально. Я прикусываю губу и, собравшись с духом, ныряю внутрь. Три секунды спустя навес над входом обрушивается и отрезает дорогу назад. Вот черт! Теперь придется либо выпрыгивать в окно, либо надеяться, что древняя пожарная лестница подо мной не обвалится.

Кашляя от дыма, бросаюсь вверх по лестнице к своей квартире. Дверь в нее приоткрыта. Черт! Видимо, не только меня посетила идея пополнить запас стрел. Многие знали, что я делаю оружие.

Я вхожу, в квартире полный разгром. Мой рабочий стол перевернут. Почти все оружие, аккуратно разложенное на полках, успели растащить: ножи и клинки, кинжалы, луки с колчанами, булавы и стрелы.

Не останавливаясь, чтобы осмотреть то, что осталось, бросаюсь в комнату и поднимаю матрас. Под ним — несколько десятков стрел и кинжал. Швырнув сумку на пол, сгребаю стрелы и набиваю колчан. Затем хватаю ножны с кинжалом и торопливо закрепляю на теле.

Вооружившись, направляюсь вниз. Ногой выбиваю дверь в одну из пустующих квартир и вхожу. Окна здесь еще целы, приходится выбить стекло стулом. Убрав из проема осколки, выскальзываю на улицу и вновь устремляюсь в гущу сражения.

Войну я замечаю у самой границы Старого города*.

Да, это действительно он. Впервые столкнувшись с Всадником, я не поверила своим глазам, но теперь, когда Война с ног до головы в крови жертв, а его черные как оникс глаза горят, становится ясно — это он, и никто иной.

Всадник стоит посреди дороги, его конь роет землю копытом. Ужасное создание, точь-в-точь такое, как о нем говорят. Война с видимым удовольствием смотрит на побоище.

Я беру стрелу и целюсь во Всадника. В грудь. Иначе можно промахнуться.

Война резко поворачивает голову в мою сторону, словно ветер нашептал ему о моих планах.

Черт.

Его взгляд сканирует оружие в моих руках, затем поднимается к лицу. Война пришпоривает коня. Я выпускаю стрелу, но она пролетает мимо. Перекинув лук через плечо, я бросаюсь прочь, за спиной громяют стрелы в колчане. Оглядываюсь. Война подгоняет коня, суровый взгляд Всадника прикован ко мне. Я срезаю путь через развалины, — еще недавно это было крепкое здание, — и устремляюсь в Старый город.

Только бы не вывихнуть лодыжку. Пожалуйста, только не это.

Слышу позади стук копыт и почти физически ощущаю, как злобный взгляд Всадника сверлит мою

* Старый город — обнесенный стенами район на территории современного Иерусалима.

спину. Вокруг не меньше десятка других людей, они сражаются, бегут, но Война словно не замечает их. Он смотрит только на меня.

Черт!

Пожалуй, это даже логично: встретить Всадника в подобном месте, в городе, который был свидетелем многих раздоров и войн. В Иерусалиме каждый клочок земли пропитан кровью.

Стук копыт становится громче, ближе, но я не решаюсь оглянуться.

Обычно в Старом городе можно встретить хотя бы пару человек, но сегодня его улицы кажутся совершенно пустыми. Почему я решила скрыться именно здесь? Господь не спасет меня. Нет, только не от этого монстра.

Сворачиваю налево, передо мной Стена Плача. Бегу вдоль нее, не сводя взгляда с Купола Скалы*. Если мне суждено когда-либо поверить в божественное спасение, то время пришло.

Прорываюсь вперед, отталкиваясь руками и ногами, петляю из стороны в сторону, чтобы Всадник не смог достать меня. Мечеть так близко, можно рассмотреть мельчайшие узоры на ее стенах, но... двери закрыты.

О нет!

Я все равно продолжаю бежать. Возможно, вход не заперт. Возможно...

* Купол Скалы — мусульманское святилище на Храмовой горе в Иерусалиме.

Преодолеваю последние несколько метров, хватаюсь за ручку.

Заперто.

Хочется кричать. Мысленным взором я вижу Камень Основания*, вижу небольшое отверстие, которое ведет к Колодцу душ под ним. Если в мире и существует место, святость которого должен уважать даже Всадник Апокалипсиса, то это оно.

Я пячусь, отступаю от запертых ворот и свода с колоннами. Выхожу обратно на слепящее солнце.

Цокот за спиной затихает, на моих руках каждый волосок встает дыбом. Резко оборачиваюсь.

Война спрыгивает с коня, и я отшатываюсь назад. Он огромен. Гораздо выше обычного человека, у него тело настоящего воина: широкие плечи, мощные руки, узкая талия и сильные ноги. А на лице выражение, подобающее скорее герою трагедии. Дикая, мужественная красота лишь подчеркивает, насколько он опасен.

Война небрежным жестом достает меч из ножен за спиной. Я перевожу взгляд на массивный клинок, который сияет серебром в солнечных лучах. Сколько смертей принесло это оружие?

Но тут я замечаю еще кое-что. Скользку взглядом по лезвию к удерживающей меч руке. На костяшках пальцев Войны мерцают алым странные символы.

* Камень Основания — скала на Храмовой горе, над которой находилась Святая святых Иерусалимского храма. В иудаизме считается краеугольным камнем мироздания, поскольку именно с нее Господь начал сотворение мира.

Война идет ко мне, его красная кожаная броня мягко шуршит при каждом шаге, золотые украшения в волосах блестят на солнце. И сейчас он больше похож не на несущего смерть посланца небес, а на языческого бога войны.

Схватив лук, целюсь в него.

— Стой, где стоишь, — предупреждаю его.

Но Всадник не обращает внимания на меня.

Господи, помоги мне!

И я спускаю тетиву.

Стрела вонзается Войне в плечо, защищенное кожаным доспехом. Не сводя с меня глаз, он сжимает пальцами древко и выдергивает стрелу. Наконечник покрыт кровью, и я чувствую гордость: моя стрела пробилла броню Всадника! Завожу руку за спину, хватаю еще одну стрелу и отпускаю в полет. На этот раз стрела отскакивает от доспеха, не причинив никакого вреда.

Расстояние между нами сокращается.

У меня остается время только на один выстрел, потом придется сменить оружие. Достая последнюю стрелу, целюсь, стреляю... Слишком высоко!.. Отбрасываю лук и колчан, стрелы рассыпаются по земле. Рука тянется к кинжалу. Рядом с чудовищным мечом Войны он кажется игрушкой. Я смотрю на гигантские мышцы Всадника... Нет, мне его не победить.

Сейчас я умру.

Пальцы крепче обхватывают рукоять кинжала. Я должна хотя бы попытаться оказать сопротивление.

Начинаю двигаться, стараясь держаться к солнцу спиной. Война сокращает расстояние между нами, даже не пытаюсь выбрать тактику. Ему не нужны какие-нибудь преимущества, чтобы уничтожить меня. И даже если слепящее солнце раздражает Всадника, он этого не показывает. Я вдруг понимаю: наше столкновение даже схваткой не назовешь. Он уничтожит меня, как лев — надоедливую мышь.

Война поднимает меч, клинок сияет на солнце. Он обрушивает на меня сокрушительный удар, огромный меч выбивает кинжал из моей руки. От неожиданности я вскрикиваю, удар так силен, что мои руки немеют. Ноги подкашиваются, я падаю на колени.

Тянусь за вторым кинжалом, достаю его из ножен. Всадник делает еще шаг, и я выбрасываю руку вперед и вонзаю клинок ему в икру. Из раны струйкой течет кровь, и я замираю, глядя на нее. Невероятно, но я его ранила!

Война смотрит на свою ногу, затем на меня, и смеется низким, глубоким голосом, от которого по телу пробегают мурашки. Он просто ужасен. Крепко сжимая кинжал, отползаю, стараясь убраться подальше. Всадник неторопливо идет за мной, забавляясь происходящим. Наконец, мне удается встать.

«Беги», — звучит в голове голос матери, но сама мысль о том, чтобы повернуться к спиной к Всаднику, парализует. Когда смерть настигнет меня, я бы хотела смотреть ей в глаза.

Война снова делает шаг и поднимает меч, а я выставляю вперед свой кинжал. Теперь я знаю, чего

ждать, но сила удара все равно поражает. Вскрикиваю и вновь выпускаю оружие из рук. Кинжал со звоном отлетает и падает на землю в метре от меня. Я отшатываюсь. Наступаю на одну из стрел, которыми усыпана земля, и, пошатнувшись, падаю на задницу.

Всадник приближается, солнце озаряет его оливковую кожу, полыхает в глазах. Война смотрит на меня сверху вниз, наши взгляды встречаются. Несмотря на жуткий страх, я дерзко поднимаю голову.

Всадник вновь поднимает меч. Но не убивает меня. Он долго всматривается в мое лицо. Очень долго. Почему он медлит? Взгляд Всадника опускается ниже, к ямочке между ключицами, и меч в его руке вздрагивает.

Что он делает?

Тянется к моей шее, нащупывает жуткий шрам. Взгляд Войны вновь прикован ко мне. Но теперь я замечаю в нем нечто новое, и это пугает еще сильнее.

— *Netet wā neterwej.*

Ты послана мне Им.

Я вздрагиваю от его голоса. Слова Всадника звучат не на иврите, не на арабском или английском. Он не говорит ни на одном из известных мне языков... и все же я понимаю его.

— *Netet tayj ħemet.*

Ты моя жена.

Глава 3

Т*ы моя жена.*

Сознание отказывается воспринимать значение этих слов, равно как и тот факт, что я почему-то понимаю их. Всадник убирает меч в ножны, награждая меня свирепым взглядом.

Он не собирается меня убивать.

Уже хорошо. Я сижу, не двигаясь. Но Война продолжает медленно приближаться, и я с трудом поднимаюсь на ноги, пытаюсь бежать. Бросаюсь обратно тем же путем, которым пришла, устремляюсь к выходу из Старого города. Шаги Всадника неслышны, и я наивно надеюсь, что он отпустит меня, позволит уйти. Но надежды рушатся в ту минуту, когда до слуха доносится зловещий цокот копыт его коня по каменной мостовой.

О боже... Раз — какой-то придурок вдруг объявляет тебя своей женой, два — и ты в полном дерьме.

Стук копыт приближается. Но на этот раз я сомневаюсь, что смогу сбежать. Действие адреналина почти закончилось. Конь Войны все ближе, и, клянусь, я чувствую его горячее дыхание. Кажется, он

вот-вот растопчет меня, но тут что-то ударяет меня в спину, выбивает воздух из легких, я начинаю падать вперед... Но не падаю. Меня подхватывают на руки и аккуратно сажают в седло.

Несколько секунд я не шевелюсь, пытаюсь понять, что происходит. Затем оборачиваюсь, заглядывая монстру в глаза. Война смотрит на меня, на его лице все еще то странное выражение. От его взгляда пробирает дрожь.

Он создан, чтобы вселять ужас.

На несколько долгих мгновений мне действительно становится страшно. Ужас от близости этого беспощадного существа поглощает меня. А затем в дело вступает старое доброе чувство самосохранения. Я начинаю вырываться.

— Отпусти меня!

Но Всадник лишь крепче обхватывает меня за талию и начинает осматривать окрестности.

— Эй, — говорю, тщетно пытаюсь вырваться из его железной хватки. — Я тебе никакая не жена.

Наши взгляды вновь встречаются, Война кажется удивленным. Может, Всаднику не нравится, что я сопротивляюсь? Или он не осознает, что я понимаю его речь? Как бы то ни было, Война быстро приходит в себя. Он не отвечает мне, но и не отпускает, лишь погоняет своего коня вперед по улицам города. Я продолжаю попытки вырваться, но все напрасно. Руки Всадника словно кандалы приковывают меня к его телу.

— Что ты собираешься со мной сделать? — спрашиваю я. Мой голос звучит на удивление спокойно, хотя я вовсе не спокойна. Я измотана и напугана.

И снова Война не отвечает, но его хватка становится крепче. Чуть-чуть, но достаточно для того, чтобы я поняла: он все слышит. Зажмуриваюсь, пытаюсь прогнать из своего воображения жуткие картины того, что может случиться с женщиной на войне.

— *Netet tar*, — сообщает он.

Ты спасена.

Я едва сдерживаю смех.

— Да, возможно, от твоего меча.

Но не от всего остального. А вдруг у Всадника целый гарем — восемьдесят жен, по одной из каждого завоеванного города? О боже, а звучит-то правдоподобно. К горлу подкатывает тошнота.

Проезжая через Иерусалим, Война обнажает меч. Город в огне, на улицах люди — сражаются, бегут, умирают. Я повидала немало битв, но мой дом никогда еще не выглядел так, будто именно в нем сосредоточилась вся ненависть людей друг к другу. В оцепенении смотрю вокруг. Наверное, у меня шок.

Чувствую, как на нас с Войной устремляются десятки взглядов. Страх, который все испытывают, естественен — никто не ожидал, что лицом к лицу столкнется с одним из Всадников Апокалипсиса, — но я ощущаю в людях иной, более глубокий ужас. Никто не думал, что Война может брать пленных, пока воочию не увидел тому подтверждение, сидящее на его коне. Это зрелище породит новые страхи, ведь мы

живем в такое время, когда быстрая смерть — лучший вариант.

Всадник подгоняет коня, заставляя его мчаться с бешеной скоростью. Обнажив меч, Война преследует любого, кто пытается бежать. Приходится зажмуриться, чтобы не видеть этого, но брызги крови попадают на мою кожу. К горлу подкатывает тошнота. Я пытаюсь сдерживать рвотные позывы. Это все, что я могу. Бежать невозможно, Война удерживает меня в своих тисках, а вырваться... что ж, у меня больше нет сил.

Мы движемся на запад, обратно к холмам, где я была совсем недавно. Дома сменяются лесом, звуки битвы постепенно затихают. Здесь, среди деревьев, и не подумаешь, что где-то рядом только что уничтожили целый город. Мы проезжаем мимо заброшенного дома, в котором я пряталась, и поднимаемся дальше в горы. Когда мы удаляемся достаточно далеко, хватка Войны на моей талии чуть ослабевает.

— Куда ты меня везешь? — спрашиваю я.

Ответа нет.

— Почему бросил сражение?

Я чувствую на себе жуткий взгляд Войны и оборачиваюсь, чтобы встретиться с ним глазами. Несколько секунд он смотрит на меня, затем переводит взгляд на дорогу.

Что ж, ладно. Может, я его понимаю, а он меня нет? Дальше мы едем в тишине. Война вдруг сворачивает с дороги. Трава здесь вытоптана копытами его

лошадей. Всадник, петляя в горах, возвращается по следам своей орды.

Наконец, мы сворачиваем с дороги, и я удивленно вскрикиваю. Передо мной раскинулся лагерь, большой, похожий на небольшой город — тысячи палаток на горном склоне среди деревьев и кустов. Кто знает, сколько они уже здесь? Абсолютно незаметные с главной дороги...

Война проезжает мимо загонов для лошадей, мимо палаток. Я замечаю людей — в основном, это женщины и дети, но есть и несколько солдат. Всадник останавливается. Спешившись, стаскивает меня с коня. Понятия не имею, что происходит, но очень жалею, что безоружна. Война опускает меня на землю. Смотрит несколько секунд, а потом убирает выбившуюся прядь волос мне за ухо.

В чем, черт побери, дело?

— *Odi acheve devechingigive denu vasvovore mem-suse. Svusi sveanukenorde vaoge misvodo sveanudovore vani vemdi. Odedu gocheteare sveveri, tamsomeo,* — произносит Война.

Здесь ты будешь в безопасности, пока я не вернусь. Тебе нужно лишь, как остальным, поклясться в верности своему господину. Затем мы поговорим вновь, жена.

— Я тебе не жена.

И снова чувствую эхо его удивления. Я что, не должна понимать его слова?

Один из воинов, с красной лентой на плече, подходит к нам. Война наклоняется к нему и что-то го-

ворит — так тихо, что ни слова не разобрать. Потом окидывает меня долгим взглядом и снова вскакивает в седло. Рванув поводья, он разворачивает коня и выезжает из лагеря. Видимо, мне самой придется во всем разобраться.

На закате мне связывают руки за спиной и ставят в один ряд с другими пленниками. Не знаю, такую ли участь готовил Война своей жене, когда бросал ее здесь, но сейчас все встало на свои места.

В течение дня в лагерь медленно стекаются пленники. Нас, наверное, около сотни, и это лишь малая часть жителей города. А остальные... Я закрываю глаза и вижу тех, кто еще вчера был жив, а теперь их мертвые тела на улицах Иерусалима стали пищей для падальщиков.

Довольно долго мы просто стоим. В нескольких метрах от меня крупного мужчину бьет дрожь. Замечаю кровь у него на спине. Кого он потерял? Глупый вопрос. Ответ очевиден: всех. Разница лишь в том, кем были эти все. Жена? Родители? Дети? Родные? Друзья? Один из моих заказчиков рассказывал, что в его семье почти пятьдесят человек. И все они погибли сегодня? От этой мысли к горлу подступает желчь.

Переключаю внимание на то, что происходит вокруг. Большинство пленников крепкие, сильные мужчины. Я ищу женщин — они есть, но их мало. Слишком мало. И насколько могу судить, все молоды и хороши собой. У некоторых на руках дети, и для

меня это становится очередным потрясением. Не знаю, от чего хуже: от того, что теперь эти маленькие семьи находятся во власти дикарей-захватчиков, или от того, что на улицах Иерусалима осталось куда больше таких женщин и детей...

Я закрываю глаза. Всегда знала, что этот день настанет. День, когда Всадники Апокалипсиса завершат начатое. Но это не могло подготовить меня к реальности — к мертвым телам, крови, жестокости. Все это какой-то кошмар.

— А с тобой мы поиграем позже.

Открываю глаза и замечаю солдата, указывающего острием кинжала на меня, другой рукой он берется за свой пах. Сколько же сил требуется, чтобы не нагрубить в ответ! Я думаю обо всех женщинах, попавших в плен. Что они собираются делать с ними? *С нами?* Мои мысли прерывают крики. Отвратительный тип теряет интерес ко мне, и поворачивается к началу строя, откуда доносится шум. Перед тем как уйти, он гадко улыбается мне и говорит:

— Скоро ты будешь моей.

Пристально смотрю на него, чтобы запомнить: удлиненное лицо, жидкая бородка, темные редущие волосы. Я окидываю взглядом других конвоиров. Стражники выглядят так, будто с удовольствием изнасилуют нас и ограбят, как только представится возможность.

— Вперед! Пошевеливайтесь! — выкрикивает один из них.

Мы покорно плетемся вперед. Впереди, через несколько человек от меня, одного из пленных стибает пополам, его рвет. Солдаты хохочут. Откуда-то слышны пронзительные, жуткие крики, заглушаемые одобрительным ревом солдат.

Я не вижу, что творится впереди, — палатки и спины людей скрывают происходящее, но меня все равно тошнит. Ожидание особенно мучительно, когда знаешь, что в конце случится что-то ужасное.

Только миновав поворот, мне удастся увидеть это «ужасное». Перед нами большая поляна. Посреди нее стоит мужчина с окровавленным мечом. Перед ним на коленях замер пленник. Они о чем-то говорят, но слов не слышно. Их обступили зрители, мужчины и женщины, наблюдают за ними голодными горящими глазами. С помоста неподалеку за происходящим следит Война.

При виде него сердце уходит в пятки. Это первая наша встреча после того, как он меня похитил. Солдат с мечом хватается пленника за волосы. Я слышу крики пленника, но солдат глух к мольбам. Он заносит меч и одним движением отрубает приговоренному голову.

Я утыкаюсь носом в плечо, медленно дышу, чтобы побороть тошноту. Кажется, пленные проходят какой-то отбор.

Полчаса агонии и ужаса, и я в начале очереди. За эти тридцать минут палач убил еще нескольких пленников, но многие отпущены живыми. Теперь впереди

крупный мужчина, которого я уже давно заметила — тот, что никак не мог побороть дрожь.

Его грубо хватают, выводят на середину поляны и толкают на колени. Больше мужчина не трясется, но сам воздух пропитан запахом его страха. Впервые мне удастся разобрать слова палача сквозь крики толпы.

— Смерть или преданность? — спрашивает он стоящего на коленях.

И внезапно я понимаю. Нам предлагают выбор: присоединиться к армии, либо... погибнуть. Я обвожу взглядом собравшихся вокруг. Должно быть, все они выбрали клятву верности врагу, хотя, скорее всего, своими глазами видели, как Всадник убивал их родных и стирал с лица земли целые города. Просто уму непостижимо...

Я не стану такой, как те, с кем сражалась сегодня.

Слов пленника я не слышу, но этого и не нужно. В следующее мгновение палач хватает его за волосы.

Ответ очевиден.

Пленник бросает взгляд на меч.

— Нет, нет, нет!..

Палач обрывает его крики одним взмахом клинка. Я с трудом борюсь с тошнотой. То же случится и со мной, если не соглашусь принять условия. Я почти готова передумать. Закрываю глаза.

Нет, будь храброй. Будь храброй. Возможно, не самая удачная идея использовать пятое правило «Руководства по выживанию», чтобы убедить себя в том,

что смерть — лучший вариант. Ведь руководство создано для того, чтобы «выжить в этом гребаном мире».

Все остальные пленники клянутся в верности Войне, покидают поляну и смешиваются с толпой.

И вот меня выталкивают вперед. Моя очередь предстать перед судом.

Солдат грубо тащит меня на середину поляны к палачу. Под ногами хлюпает кровь, целые лужи крови. В воздухе смрад истерзанной плоти и испражнений. Смерть неопрытна, но об этом вспоминают лишь тогда, когда кому-то вспорют кишки.

Теперь внимание всего лагеря обращено на меня. Люди с нездоровым восторгом наблюдают за жутким смертельным шоу. Но я смотрю только на Войну. Увидев меня, Всадник подается вперед. Лицо его спокойное, но во взгляде темных глаз напряжение.

«Тебе нужно всего лишь, как остальным, поклясться в верности своему господину. Затем мы поговорим вновь, жена».

Одной рукой Война стискивает подлокотник трона, другой подпирает подбородок. Странные символы мерцают на костяшках его пальцев. Покинув поле боя, Всадник избавился от доспехов и рубашки, сидит с обнаженным торсом. На его коже нет ран, хотя я видела, что одна из моих стрел вонзилась ему в плечо. На груди Всадника пылают неведомые символы, двумя кровавыми дугами тянутся от плеч, из-

гибаются, устремляясь к ребрам. Эти знаки кажутся такими же опасными, как и их обладатель.

Гигантского меча при нем больше нет. Единственное оружие, которое я вижу сейчас у Войны, — похожий на иглу кинжал, пристегнутый ремнями к плечу.

Палач выступает вперед, заставляя меня оторвать взгляд от Всадника. Меч палача так близко, что кажется, его можно коснуться рукой. Лезвие покрыто кровью. Стоящий позади солдат толкает меня, вынуждая опуститься на колени. Я падаю на пропитавшуюся кровью землю. Взлетают алые брызги, я морщусь от теплой влаги под ногами.

Закрываю глаза и слатываю.

— Смерть или преданность? — требует ответа палач.

Все очень просто, но я не могу заставить себя произнести нужное слово. Умирать не хочется. Совсем не хочется, так же, как и почувствовать укус этого клинка. Все, что угодно, сейчас кажется более заманчивым — даже перспектива сражаться со своими братьями.

Открываю глаза и смотрю на палача. У него совершенно мертвый взгляд — слишком много он видел убийств. То же случится и со мной, если выберу спасение. Невольно перевожу взгляд на Всадника, восседающего на троне.

На Всадника, поймавшего меня и пощадившего. На того, кто назвал меня своей женой. Он не отрываясь смотрит на меня. Я знаю, какого ответа он ждет, и кажется, почти уверен, что получит его.

Чем дальше я смотрю на него, тем сильнее нервничаю. По коже бегут мурашки. В его глазах скрывается целый мир, таинственный и неизведанный, и он обещает нечто темное и запретное. Отрываю взгляд от него, и вновь вижу перед собой окровавленный клинок.

Смерть или верность Войне?

Будь храброй, будь храброй, будь храброй.

Я поднимаю глаза на палача и выдавливаю единственное слово — то, которое не могла произнести еще мгновение назад.

— Смерть.

Глава 4

Палач кладет руку мне на голову, заставляет опустить ее так, чтобы обнажилась шея. Я не вижу, как он заносит меч, но чувствую теплые капли крови, срывающиеся с лезвия. Прикусываю губы. Не так я представляла свою смерть...

— Нет, — разносится по лагерю голос Войны.

Его звук касается моей кожи как вздох любовника. Голос мрачен и глубок — невероятно, чувственно глубокий, низкие ноты разносятся по поляне. Наступает тишина. Даже болливый солдат с глазками-бусинками сразу замолкает.

Я поднимаю голову. Толпа отступает и как будто сжимается. Страх всех этих людей ощутим почти физически. Перевожу глаза на Войну, развалившегося на троне. Наши взгляды встречаются, и вдруг мы будто вновь оказываемся на Святой земле, и он опять нарекает меня своей женой.

Глаза Войны совсем не похожи на мертвые глазницы палача. Они удивительно живые. Они пылают. И все же я не могу прочесть в них его мысли. Если бы он был обычным человеком, которому бросили

вызов, стоило бы ожидать злости, но я сомневаюсь, что это именно то чувство, которое он сейчас испытывает.

Война поднимает руку и манит меня к себе. Солдат хватается за руку и подводит к Всаднику, заставляя остановиться в нескольких метрах от помоста. Склонив перед Войной голову, он отступает.

Взгляд Всадника скользит по мне, и я не в первый раз замечаю, как он невероятно красив — той порочной красотой, которой могут похвастаться только опасные мужчины. Его верхняя губа едва заметно кривится. Полагаю, мой вид вызывает у Всадника отвращение. Что ж, это взаимно. Внезапно Война встает. Я осторожно слатываю и поднимаю голову, чтобы посмотреть на него.

Это не человек.

Теперь у меня нет в этом сомнений. Плечи Всадника слишком широкие, мышцы слишком литые, ноги — длинные, а торс — мощный. И все его черты слишком... неоднозначные.

Война вынимает тонкий, как игла, кинжал из ножен, ремнями обхватывающих бицепс. При виде острого лезвия мое тело пронзает заряд адреналина. Смешно, ведь всего несколько мгновений назад я сама просила смерти.

— *San suni ötümdön satnap tulgun, virot ezır unı itdep? Sanın iravım tulgun san mugu uyuk muzutnaga tunnıp, mun uç tuçun vulgılıüü,* — говорит он, обходя меня по кругу.

Я спас тебя от смерти, а теперь ты ищешь ее сама? Ты оскорбляешь меня, жена. Меня, того, кому неведомо милосердие.

Каждое слово звучит резко, звенит в воздухе. Под его пристальным взглядом у меня перехватывает дыхание.

— Я не собираюсь спасать свою жизнь ради того, чтобы убивать других по твоему приказу, — отвечаю хриплым от страха голосом.

Всадник резко останавливается. Опять удивлен, что я его понимаю? Прежде чем я успеваю обернуться, Всадник берет меня за руку. Только сейчас, когда он касается меня, я понимаю, что дрожу. Делаю несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

Война склоняется ближе, касается губами моего уха:

— *San suni sunen teken dup esne dup uynikut? Uger dugi vir sakdun üçüt?*

Значит, по-твоему, я хочу этого? Сделать из тебя еще одного воина?

Его смех касается моих волос, и от этого звука мурашки бегут по коже. Я краснею, дрожу. Чувствую прохладный металл кинжала, когда Война опускает лезвие между моих связанных за спиной рук. Чувствую давление, когда клинок врзается в удерживающие их путы. В следующее мгновение одним ловким движением Война перерезает веревки, освобождая мои запястья. Руки покалывает от прилива крови.

— Я знаю, чего ты от меня хочешь, — очень тихо говорю я, растирая запястья.

— *Uger uzir vurvi? San vakdum tunduу učit-uytn.*

Знаешь? Как я, оказывается, предсказуем.

Война завершает круг и встает передо мной. Он продолжает кривить губы, будто я оскорбила его чувства.

— *A hafa neu a nubue ini io uribo eu ha ia a fu nubueи a fu Ibe,* — замечает Всадник, и мне кажется, его тон и даже язык, на котором он говорит, становятся мягче, нежнее.

Я могу дать тебе гораздо больше, чем Смерть.

— Мне ничего от тебя не нужно, — заявляю я.

Уголок рта Всадника приподнимается в улыбке. Не могу понять, насмешливой или веселой.

— *Ца і fu ua тиои реи е fuвiо.*

И все же ты это получишь.

Он окидывает меня взглядом.

— *Ниипипи іа лири, ири. I fu ua fu іре һиу.*

Приведи себя в порядок, жена. Сегодня ты не умрешь.

Он швыряет кинжал к моим ногам — тонкое лезвие вонзается в землю — и уходит.

Когда Война покидает поляну, все вокруг кажутся растерянными.

Я прихожу в себя первой. Опустившись на колени, хватаюсь за рукоять брошенного Войной кинжала, выдергиваю его из земли. В руках Всадника он напоминал булавку, но в моей ладони кажется массивным.

Очень большим. Обернувшись, наставляю клинок на собравшихся вокруг людей. Кто-то смеется.

Пора убираться отсюда.

Крепче сжимая оружие, я решительно покидаю поляну, прокладывая путь сквозь толпу. В любой момент ожидаю нападения, но никто даже не пытается остановить меня. Я не успеваю уйти далеко, какая-то женщина хватается за локоть.

— Сюда, — говорит она, тянет за собой в лабиринт палаток. Это миниатюрная женщина с седеющими волосами, загорелой кожей и оливково-зелеными глазами. Смотрю на нее сверху вниз:

— Что вы делаете?

— Провожая тебя к новому дому, — отвечает она, не сбавляя шага. — Я — Тамара.

— Я не собираюсь здесь оставаться.

— Знаешь, — вздыхает она, — большинство из тех, кого я здесь встречала, отвечали так же. Я устала говорить жестокую правду.

— И какую же? — спрашиваю, пробираясь следом за ней среди палаток.

— Любого, кто уйдет, ждет смерть.

Тамара ведет меня к запыленной палатке, как две капли похожей на остальные.

— Вот мы и на месте, — сообщает Тамара, кивая на нее. — Вот твой новый дом... погоди. — Она окликает другую женщину, которая стоит через четыре палатки от нас. — Эй, это же одна из свободных, да?

Та кивает в ответ, а Тамара снова поворачивается ко мне:

— Теперь ты будешь тут жить.

— Я ведь уже сказала, что не собираюсь здесь оставаться.

— Ну все, все, — отмахивается она от меня. — У тебя был трудный день. Завтра будет лучше.

Я вовремя прикусываю язык, чтобы не ляпнуть лишнего. Не стоит рассказывать о моих планах. Женщина откидывает полог палатки и жестом приглашает войти. Я неохотно соглашаюсь.

Палатка маленькая, места едва хватает для старого тюфяка, занимающего всю длину. В одном углу я вижу потрепанную книгу и турецкий кофейный сервиз. В другом — расческу и какие-то украшения.

— А что случилось с тем, кто жил тут до меня? — спрашиваю я.

Тамара пожимает плечами:

— Однажды утром она оседлала лошадь и уехала... но так и не вернулась.

— Но так и не вернулась, — повторяю я за ней.

Мой взгляд вновь скользит по скудной обстановке. Кем бы ни была та женщина, она никогда больше не откроет эту книгу. Не уснет на этом тюфяке, не наденет украшения, не выпьет кофе из фарфоровой чашечки.

— Здесь не все вещи принадлежали ей, — замечает Тамара, проследив за моим взглядом. — Кое-что осталось от тех, кто жил тут раньше.

Если она думает, что это успокоит меня, то ошибается. И так, мне в наследство достались вещи погибших людей. А когда умру я, и мои жалкие пожитки

достанутся кому-то еще. Если я, конечно, останусь здесь. Но этому не бывать.

Любого, кто уйдет, ждет смерть.

При одной мысли об этом к горлу вновь подкапывает тошнота. Дело в том, что умирать мне совсем не хочется. Я по-прежнему намерена выяснить, как отсюда сбежать, но это произойдет явно не сейчас. Я вновь осматриваю скудную обстановку. Что ж, на ближайшее время это будет мой дом.

— Что ты умеешь делать? — поворачивается ко мне Тамара. Я хмурюсь, и она добавляет: — Может, умеешь сражаться, готовить, шить?..

— Я делаю луки и стрелы... вернее, делала.

— Замечательно! — радостно восклицает женщина. — Мастера нам всегда нужны. Попрошу начальство учесть это, когда будут распределять обязанности.

— Обязанности? — я поднимаю брови.

Наш разговор прерывают несколько женщин, они принесли огромный таз воды.

— Отнесите это в палатку, — обращается она к женщинам, и те уверенно входят в мой новый дом. Затем она поворачивается ко мне: — Вымойся. Мы вернемся через четверть часа с едой и одеждой.

Не успеваю я и слово сказать в ответ, а Тамары и других женщин уже и след простыл. Видимо, отправились размещать остальных новичков. Я снова поворачиваюсь к палатке. Медлю, делаю глубокий вдох и захожу внутрь.

Прикусив губу, смотрю на воду, в которой предстоит мыться. Она красновато-коричневая, мутная. Рядом с тазом кто-то из женщин оставил полотенце и влажный кусок мыла. Рискну ли я ступить в эту воду? Что-то не хочется. Конечно, во всем этом для меня нет ничего нового. В наши дни воду приходится таскать самим. Использовать ее повторно — дело житейское. Просто обычно она не такая грязная...

Но затем я чувствую, что кровь, пропитавшая джинсы, начинает подсыхать. Ткань липнет к коже, и этого достаточно, чтобы загнать меня в мерзкую мутную воду. Быстро моюсь и вытираюсь. Заворачиваюсь в полотенце и пытаюсь смыть кровь с одежды. Но такие пятна никогда не исчезают бесследно...

Через некоторое время в палатку, откинув полог, входят Тамара и ее спутницы. В руках у них одежда и тарелка с едой. При виде пищи желудок ноет. Я почти сутки не ела, но до сих пор была слишком напряжена, чтобы чувствовать голод. Теперь, когда напряжение прошло, он нападает на меня с утроенной силой.

Тамара бросает на меня быстрый взгляд.

— Здесь одежда и обувь, — говорит она.

Это легкий наряд и пара сандалий. Юбка и топ из тончайшей ткани — черной с золотом, легкой и полупрозрачной. Я поправляю полотенце. Ужасно хочется переодеться в чистое, но я не горю желанием разгуливать по лагерю в этом просвечивающем безобразии.

— М-м... — Как бы спросить, чтобы не показаться первой? — А есть что-нибудь более закрытое?

Тамара хмурится, она явно недовольна, что ее помощь не оценили.

— Всадник любит, чтобы его женщины были одеты нарядно, — заявляет она.

Всадник? Его женщины?

— Я не его женщина, — протестую я.

Ты моя жена.

Тамара впервые упомянула Всадника при мне. Стараюсь не думать о том, что она только что подтвердила: Война действительно Всадник Апокалипсиса, и сосредотачиваюсь на другом: Тамара наряжает меня для Всадника.

— Лучше быть его женщиной, чем чьей-либо еще, — говорит одна из ее спутниц. Остальные согласны бормочут в ответ.

«А с тобой мы поиграем позже», — кажется, так сказал тот солдат несколько часов назад.

Мне удастся унять дрожь. Значит, вот как здесь все устроено? С неохотой принимаю шелковый наряд из рук Тамары, тонкая ткань струится между пальцами. Неужели я это надену? Есть еще вариант: натянуть мокрую одежду и ботинки. Вновь смотрю на чистый наряд. Я сама по себе: не принадлежу ни Войне, ни кому-либо еще, и одежда этого не изменит. Другое дело — интерес Всадника. Ему кое-что нужно от меня, и это никак не касается моего умения сражаться, зато напрямую связано с тем, что Всадник называет меня женой. Крепче стискиваю шелк.

Мне тоже кое-что нужно. Ответы, информация о том, как предотвратить Апокалипсис. Кто знает, может, сегодня ночью я это получу? Нужно всего лишь надеть чертов наряд.

Глава 5

Грохот барабанов вспарывает ночной воздух. На улице пылают факелы, дым вьется в черном небе. Я кручу амулет на запястье, бреду вслед за женщинами на поляну. Темная юбка шуршит, обвивается вокруг ног. За те часы, что прошли после моего прибытия в лагерь, это место преобразилось. Разносится запах шипящего на огне мяса, на столах стоят большие кружки. Вид алкоголя приводит меня в изумление. Большинство жителей Новой Палестины не пьют крепкие напитки.

Люди болтают, смеются, наслаждаются обществом друг друга. Трудно представить, что сегодня днем эти люди разграбили и сровняли с землей целый город. Сейчас тут нет и намека на этот кошмар. Перевожу взгляд с одного человека на другого, пытаюсь рассмотреть порок в глубине их глаз... И замечаю Войну.

Как и в прошлый раз, он сидит на своем помосте. Смотрит на меня. В пелене дыма и отблесках костра его грубые, жестокие черты кажутся завораживающими. Не представляю, сколько уже Всадник смотрит на меня, но я должна была заметить это раньше.

Его взгляд подобен прикосновению пальцев к коже; трудно его не почувствовать.

Что-то во мне откликается на этот взгляд. От страха все внутренности скручиваются в узел. Но есть что-то еще, странное чувство... я не понимаю его, но ощущаю смутный стыд.

Одна из стоящих рядом женщин ловит меня за руку. Кажется, ее зовут Фатима.

— Его невозможно убить, — тихо говорит она, наклонившись ко мне.

— Что?.. — переспрашиваю, бросив на нее короткий взгляд.

— Я своими глазами видела. Это было пару городов назад, — с горящими глазами поясняет она. — Один из солдат жутко разозлился, кинулся на Всадника с мечом. Война позволил ему пронзить себя насквозь, лезвие вошло прямо в грудь, между татуировками. А он просто рассмеялся.

Холодок пробегает по позвоночнику.

— Затем Всадник вырвал меч из своей груди и сломал тому бедняге шею — легко, как прутик. Это было ужасно! — Но Фатима не кажется расстроенной, скорее возбужденной.

Вновь кидаю взгляд в сторону Войны, который все так же не сводит с меня глаз.

— Значит, он бессмертен?

Что это за существо такое?

Фатима подается вперед и слегка сжимает мою руку.

— Просто делай то, чего он пожелает, и все будет хорошо.

Не дождетесь.

— А что насчет других? — спрашиваю ее. К Всаднику кто-то подошел, предлагая ему блюдо и отвлекая внимание от меня.

Фатима морщит лоб:

— Каких других?

— Других его жен.

Должны же быть другие...

— Жен? — Она еще сильнее морщится. — Война не женится на женщинах, с которыми проводит время. — Теперь Фатима смотрит на меня с подозрением. — Как Война нашел тебя? Говорят, он уехал в самый разгар битвы, увозя тебя с собой.

Я как раз пытаюсь подобрать слова, чтобы ответить, но внимание Всадника вновь обращено на меня. Второй раз за день он жестом подзывает меня, алые символы на пальцах зловеще светятся в сгущающейся темноте. Надо же, кому-то надоело ждать!

На мгновение застываю на месте. В игру включается моя упрямая половина, сознание заполняют темные образы того, что может сделать Всадник, если я проигнорирую его приказ.

Но его жест замечает Фатима и подталкивает меня вперед, вынуждая сделать первый шаг. И я иду, чувствуя на себе тяжесть пристальных взглядов. Пробираюсь сквозь толпу и останавливаюсь перед Всадником. Он поднимается со своего места, в толпе про-

носится шепот. Стучат барабаны, но внимание всего лагеря приковано к нам.

Война оставляет свой трон, делает шаг в мою сторону, затем второй, третий, подходит вплотную. Несколько мгновений он рассматривает меня так напряженно и пристально, что хочется отвести взгляд. Глубоко в его глазах полыхает огонь факелов. Огонь и интерес. Всадник молчит, так долго, что я сама нарушаю молчание:

— Чего ты хочешь?

— *Meokange vago odi degusove*, — швыряет он мне мои же слова.

Я думал, ты знаешь.

И да, я до сих пор считаю, что знаю.

Взгляд Войны впивается в меня. Он смотрит с тем же странным выражением, что и утром в Иерусалиме. Проходит несколько секунд, и Всадник поднимает руку, проводит согнутым пальцем по моей скуле, будто не может удержаться. Я отстраняю его руку.

— Тебе не стоит так прикасаться ко мне, — говорю я тихо.

Глаза Всадника сужаются.

— *Soni moamsi, tamsomeo, moniinne zio vava-bege odi?*

Тогда скажи, жена, как мне к тебе прикасаться.

— Никак.

Он улыбается и смотрит так, словно я самое очаровательное, странное и забавное существо на планете.

— *Gocbeune dekasuru desvu.*

Это мы еще посмотрим.

Пячусь, отступая от Всадника. Он провожает меня жадным взглядом, но не пытается остановить или подозвать обратно. Я поворачиваюсь к нему спиной и, взметнув край тонкой юбки, растворяюсь в толпе.

Я почти разочарована. После суеты, которую женщины развели, чтобы подготовить меня к встрече с Войной, я ожидала от могучего Всадника большего, чем несколько негромких слов и долгий пристальный взгляд. И все же именно его я ощущаю до сих пор, именно он словно каленым железом прожигает спину. Оглянувшись, вновь встречаюсь взглядом с этими пытливыми, выразительными глазами. Уголок его рта приподнимается в вызывающей улыбке.

И тогда я делаю то, что ненавижу больше всего на свете: сбегаяю.

Несколько часов я, как полная дура, сижу в полутьме своей палатки. Отголоски праздника и ароматы готовящейся еды доносятся даже сюда. Я бы не отказалась перекусить, но для этого нужно выйти наружу. Мой побег ужасен сам по себе, а уж явиться обратно, как ни в чем не бывало... Представляю дерзкий, насмешливый взгляд Войны. О, ему это понравится. Всадник воспримет мое возвращение как очередную свою победу. Только это меня и останавливает. Пусть мир катится в кровавую бездну, но, будь

я проклята, если не смогу пропустить ужин, чтобы сохранить лицо.

Стараясь не обращать внимания на аромат жареного мяса, зажигаю небольшую масляную лампу, принесенную Тамарой, и принимаюсь читать потрепанный роман, оставленный тем, кто раньше жил в этой палатке. И лениво думаю о том, насколько плоха идея — спалить дотла весь лагерь.

Сквозь шум голосов различаю приближающиеся шаги и напрягаюсь. Я жду стражников, которые потащат меня в палатку Войны. Полог откидывается, внутрь заглядывает Тамара.

— Я не пойду, — тут же заявляю ей.

— Куда? — удивляется она.

Я хмурюсь:

— Ты здесь не для того, чтобы отвести меня к нему?

— К Войне? — переспрашивает она, подняв брови. — Тут и так полно женщин, готовых согреть постель Всадника.

Полно женщин? Представляю, как руки Тамары, большие, настойчивые, касаются его тела, и морщусь.

— Я пришла не за этим, — говорит она и садится рядом со мной. — Слышала сегодня ваш разговор. — Она придвигается ближе и тихо спрашивает: — Откуда ты знаешь язык Всадника?

Я качаю головой и уже готова все отрицать, но Тамара говорит:

— Мы все видели, как ты с ним говорила.

Я и не подозревала, что за нами так пристально наблюдают. Признаюсь Тамаре:

— Не знаю, как я что-то смогла разобрать, и почему Всадник вообще со мной разговаривал. Прости, но это правда. Я сама не понимаю, что происходит.

Тамара пристально смотрит в мое лицо, кивает и берет меня за руку.

— Война часто меняет женщин, — произносит она, и от этих слов мне становится не по себе. Честно говоря, мне не хочется знать подробности его личной жизни. — Если хочешь избавиться от его внимания, — продолжает Тамара, — просто сдайся и проведи с ним пару ночей.

Да что творится с местными женщинами? Каждая так и норовит дать непрошенный совет.

— Взамен ты получишь защиту, — добавляет она. Меня неплохо защищал и старый добрый клинок.

— А если не сдамся? — спрашиваю я.

Наступает долгое молчание, потом Тамара берет меня за подбородок.

— Женщинам опасно находиться здесь, особенно таким хорошеньким. — Ее взгляд останавливается на кинжале Войны, лежащем рядом с масляной лампой. — Держи оружие поближе. Возможно, оно тебе понадобится.

Глава 6

Я решаю последовать совету Тамары — сплю с кинжалом Войны под подушкой. И главное, засыпаю. Что тоже неплохо.

— *Проснись, Мириам*, — глубокий голос возвращает меня в реальность.

Резко открываю глаза. Рядом с тюфяком, опершись руками о колени, сидит Война. Пальцы сами тянутся к клинку, и я сажусь, держа его перед собой. Глаза Войны мерцают в полутьме, когда он окидывает взглядом меня — сонную, с оружием в руках.

— Понравился мой кинжал? — спрашивает Всадник.

Я вздрагиваю от звука его голоса. Война говорит на чистейшем иврите.

— Ты умеешь разговаривать, — констатирую я. «*И знаешь, как меня зовут*», — добавляю мысленно.

Он хмыкает.

— Я имею в виду, что сейчас я тебя понимаю, — добавляю я.

Я уже привыкла, что Война говорит на неведомом языке, а я каким-то образом его понимаю. Но слы-

шать из его уст родную речь — совсем другое дело, это выбивает из колеи. И означает, что все это время он понимал меня.

— Зачем ты разговариваешь на какой-то тарабарщине? — спрашиваю, продолжая угрожать ему клинком.

Не о том спрашиваешь, Мириам. Правильный вопрос: «Какого черта ты делаешь в моей палатке?»

Всадник поднимается, подходит ближе. Я поднимаю оружие выше. Но ему плевать на кинжал. Война садится на край тюфяка, не обращая внимания на то, что острие кинжала впивается ему в кожу у самого горла. Смотрит на клинок, уголок его губ приподнимается в усмешке. Выглядит он при этом *зловеще довольным*.

Угрожать ему, похоже, бессмысленно. Мне почему-то кажется, что Войну вся эта ситуация... умиляет.

— Почему я понимаю твою речь? — спрашиваю его.

— Ты моя жена, — спокойно отвечает Всадник. — Ты понимаешь мою природу, мой дар.

Хм, тут есть одна проблема.

— Я тебе не жена.

Война усмехается.

— Хочешь доказать свою правоту? Буду более чем рад. — В его словах слышится некий сексуальный намек.

— Убирайся из моей палатки, — говорю, перехватывая кинжал.

Война разглядывает меня, его глаза мерцают в полумраке.

— Разве палатка твоя? — удивляется он.

Нет. Но ему здесь не место.

— Убирайся из *этой* палатки, — уточняю я.

— Или что? — он поднимает бровь.

Разве не очевидно? Сильнее надавливаю острием кинжала на кожу Всадника. Темная струйка крови сбегает по его шее. Война подается ближе:

— Маленькая храбрая воительница, угрожаешь мне в моем же лагере. — Он разглядывает мое лицо.

— Как ты вообще меня нашел? — спрашиваю я.

В лагере тысячи одинаковых палаток.

— Ты, кажется, хотела, чтобы я ушел, — напоминает Война. Я чувствую, как ему весело.

— Но ты все еще здесь. Так как же?

— Я не смогу ответить, если ты перережешь мне горло. — Он косится на кинжал.

Я колеблюсь. Любой мужчина, пробравшийся в палатку, пока я сплю, представляет собой угрозу. Хотя стоит признать — если бы Война хотел навредить мне, то уже сделал бы это, и никакой кинжал ему не помешал бы. Я опускаю оружие. Всадник касается кровавой линии на шее и, могу поклясться, на его лице мелькает улыбка.

— Это мой лагерь. Здесь невозможно что-либо от меня утаить.

Крепче сжимая кинжал, произношу:

— Говорят, ты не можешь умереть.

— Так вот почему ты еще не пыталась убить меня? — Снова этот насмешливый тон.

Да. Молчание — тоже ответ.

— Так что? Можешь или нет? — продолжаю допрос.

— Умереть? — переспрашивает Война. — Могу, конечно.

Черт! Зачем я только опустила кинжал?

— Но обычно я не остаюсь мертвым надолго.

Пристально смотрю на него:

— Что это значит?

Он подхватывает зажженную масляную лампу, которую я до сих пор не замечала, и встает:

— Когда-нибудь поймешь. Это, и многое другое, *aššatu*. Жена. Ты должна сдаться.

В последний раз бросив на меня загадочный взгляд, Война задувает лампу и исчезает в ночи, как призрак.

Город пал, меня взяли в плен, а все вокруг считают, что я должна жить, как ни в чем не бывало. Это становится ясно на следующее утро, когда я просыпаюсь от чьей-то болтовни рядом с палаткой. Что ж, удивляться нечему. Этого от меня ждали и раньше — на следующий день после Прихода Всадников.

Надеваю свою старую, заляпанную кровью одежду. Она еще влажная, но гораздо удобнее, чем наряд, который мне выдали. Натягиваю сапоги и выхожу на улицу. У палаток сидят люди, болтают, смеются, пьют чай и кофе. В этой части лагеря живут в основном

женщины и дети, и я поражена тем, что у некоторых покрыты головы. Я думала, Война потребует, чтобы мы отказались от своей веры, но, по-видимому, это не так.

В воздухе еще стоит аромат жареного мяса, и на мгновение меня накрывает воспоминанием о мертвых телах на улицах Иерусалима. Там тоже пахло мясом.

Идя на запах, выхожу на вчерашнюю поляну. Здесь, в этом ужасном месте, кажется, раздают еду. Вижу баранью тушу, крутящуюся на вертеле, на столах — подносы с фруктами, орехами и хлебом. Бреду в конце очереди и стараюсь не думать, откуда взялась вся эта еда. Армию нужно кормить, а уж такую гигантскую, как эта... Набеги на города и села — меньшее из зол, совершенных этими людьми.

Когда очередь почти доходит до меня, замечаю знакомое лицо. Вчерашний солдат, тот самый, что сжимал рукой пах и тыкал в меня кинжалом, стоит на другом краю поляны и курит. На голове у него куфия*, он перебирает пальцами жидкую бородку, болтая с другими солдатами, но смотрит при этом только на меня. Не отводит глаз, как бы долго и пристально я не смотрела в ответ.

Меня слегка успокаивает лишь тяжесть кинжала на поясе. Я отворачиваюсь первой, хватаю еду и ухожу прочь. В поисках относительно спокойного места, чтобы позавтракать, направляюсь к краю ла-

* Куфия — мужской головной платок, популярный в арабских странах.

геря. Сажусь и смотрю на горы вокруг. Так легко ускользнуть отсюда незамеченной... Замираю, перестаю жевать, и осторожно оглядываюсь в поисках патрульных. Никого.

Отставляю тарелку и встаю. С трудом подавив желание оглянуться и проверить, не следит ли кто-нибудь за мной. Это ведь самый легкий способ попасться — показать, что задумала что-то. Задержав дыхание, спокойным шагом направляюсь прочь. Пролетают секунды, гул лагеря постепенно затихает. Я вздыхаю с облегчением. Получилось! Все оказалось даже легче, чем я думала...

— Стой или умрешь!

Я застываю на месте, не сомневаясь, что в спину мне направлен наконечник стрелы. И, действительно, обернувшись, я вижу солдата. Он шагает ко мне, целясь прямо в грудь.

— Дезертиров ждет казнь, — сообщает он.

В сложных ситуациях я оказываюсь гораздо чаще, чем хотелось бы. Попадалась я и Братьям-мусульманам, и палестинским патрульным, и коллегам-Призракам, которым удавалось застать меня врасплох. Если хочешь уцелеть, главное — придумать убедительную историю и придерживаться второго правила кодекса: говорить правду.

— Я делаю оружие, — торопливо говорю я. Тамара упоминала, что в лагере не помешал бы мастер-оружейник.

Солдат прищуривается:

— При чем тут это, черт подери?

— Из веток этих деревьев я делаю заготовки для луков и стрел, — говорю медленно, объясняю подробно.

— Думаешь, я поверю, что ты тут просто собираешь чертовы ветки для чертовых луков?

Он прав. У меня нет ни сумки, ни топора, а прикрепленный к поясу кинжал слишком мал. Я больше похожа на беглянку, а не на оружейника.

— Я все обсудила с Войной. — Ложь сама срывается с губ, и я тут же сожалею о своих словах. «Говорить правду?» Я сама только что нарушила второе правило кодекса.

Солдат окидывает меня взглядом с ног до головы, видимо, взвешивая все «за» и «против», прикидывая, верить мне или нет, и наконец принимает решение:

— Мне плевать, с кем и что ты обсудила. Хочешь жить — тащи свою задницу обратно в лагерь. Быстро!

Бросив прощальный взгляд на деревья, я выхожу из кустов и направляюсь в лагерь, и стрела по-прежнему нацелена мне в спину.

Вот тебе и сбежала!

Оказывается, в лабиринте палаток есть своя логика. Мне понадобился целый день, чтобы понять ее. Лагерь разделен на четыре сектора. В одном из них, среди женщин и детей, живу я. Другой отведен для пар — для тех, кто решил жить вместе. Самый большой сектор, разумеется, занимают солдаты. И еще

есть территория Войны. Четыре сектора вокруг поляны — черного, прогнившего сердца лагеря.

Время от времени раздается бой барабанов, который, как мне объяснили, обычно предшествует казни. Кого-то убивают за мелкое воровство, кого-то — за дезертирство, а одного мужчину приговорили к смерти за то, что он помочился в кружку своего товарища. Видимо, тому не понравилась шутка. Иногда казнят без видимых причин. Впрочем, разве они нужны? Война хочет уничтожить всех нас, но некоторых оставляет в живых, чтобы они помогли ему достичь цели. Из-за частых казней атмосфера в лагере должна быть мрачной, но, куда ни глянь, люди болтают, смеются, плетут циновки и корзины.

Каждый здесь чем-то занят. Не знаю, назначают ли всем задания или желающие сами вызываются, но здесь есть люди, которые готовят, убирают, охраняют, ухаживают за лошадьми, роют выгребные ямы и занимаются еще сотней разных дел. Лагерь работает как отлаженный механизм.

Все вокруг кажется пугающе нормальным. Не представляю, как Война смог этого добиться. Как ему удалось сплотить людей, заставить работать, после того как он лишил их всего...

Однако кое-что все же не так, как обычно. Религия — в лагере ее словно не существует. Конечно, я здесь всего сутки, так что, возможно, нужно просто набраться терпения. Но до сих пор я не слышала ни призывов к молитвам, ни публичных проповедей. Ничего, что помогло бы узнать, в какого бога верят эти

люди. Единственные признаки религиозной жизни, которые я заметила, — это символы веры, которые люди носят на себе. И все. В остальном Бога здесь словно не существует. Весьма иронично.

Я возвращаюсь в палатку. Ко мне никто не приходит, не назначает заданий, и на улицу я выхожу только за едой или по зову природы.

Наконец, громоподобный стук копыт заставляет меня вылезти из моего убежища. Солнце катится за горизонт, дневной жар постепенно уходит. Из соседних палаток тоже выглядывают женщины, смотрят в ту сторону, откуда доносится шум.

— Они идут, — слышу я шепот.

Большинство жителей лагеря устремляются к центральной поляне. Любопытство влечет меня следом за ними. Я едва успеваю добраться туда, когда по лагерю проносится дюжина всадников, вздымая клубы пыли, топча кусты. Возглавляет процессию Война. И он, и его воины с головы до ног покрыты кровью. Вернулись из очередного набега...

До сих пор я даже не задумывалась, что здесь еще есть, кого убивать. Армия Войны вчера неплохо «потрудилась». Но Иерусалим — большой город, и рядом с ним немало поселений. Пожалуй, даже жуткой армии Войны нужно больше одного дня, чтобы стереть их с лица земли.

Вновь звучат барабаны, от этого звука кровь стынет в жилах. Война врывается на поляну, люди разбегаются в стороны. Я слатываю, увидев его кроваво-алого коня, который даже не замедляет шага, когда

Всадник спрыгивает на землю. Следом на поляну галопом влетают сопровождающие Всадника воины с красными лентами на плечах.

— Кто это? — спрашиваю женщину рядом.

— Всадники Фобоса, — отвечает она, повернувшись ко мне. — Лучшие солдаты Войны.

Его лучшие убийцы. Я смотрю на всадников новыми глазами. Они объезжают Войну, останавливаются и полукругом выстраиваются за ним. Когда последний воин занимает свое место, бой барабанов стихает.

Я до последнего не понимаю, что происходит. Но наконец пыль оседает и я вижу окровавленного мужчину, который лежит на земле перед воинами. Он неподвижен, как мертвец, но проходит минута, и он медленно садится.

Война молчит, наблюдает, а когда мужчина, пошатываясь, встает, направляется к нему. Толпа зевает замолкает, один из всадников соскакивает с лошади и выступает вперед.

— Этот человек, Элайджа, — возвещает он, указывая на мужчину, — был одним из Фобосов, личных воинов главнокомандующего. Господин дал этому человеку кров и еду, он доверял ему. Но чем он отплатил нам за добро? — говорящий обводит собравшихся взглядом. — Восстал против своего господина и товарищей по оружию!

Толпа словно по команде разражается возмущенными криками. Удивительно, но многие из собрав-

шихся, кажется, искренне негодуют. Если они при-
творяются, то делают это мастерски.

— Когда началось сражение, Элайджа обратил меч против своих товарищей, — продолжает всадник, а Война не сводит с раненого взгляда, острого, как лезвие бритвы. — Сегодня мы потеряли многих хороших воинов.

Продолжая смотреть на Элайджу, Война заводит руку за спину и сжимает рукоять огромного меча. Сталь звенит, покидая ножны.

Я вся сжимаюсь, вспоминая недавнюю встречу с этим клинком. Но вместо того, чтобы обрушиться на мужчину удар, Война швыряет меч к его ногам.

— *Sunu uk. San suni, adas Susturu tituu üçüt huniştüü nuntnuu utenin dukikdep nurun*, — возвещает он.

Возьми. Докажи, что достоин бросить вызов мне, человек.

Элайджу трясет от страха, но на его лице ни капли раскаяния.

Всадник медленно отступает:

— *San Tuduygu uturun teknirip, nik niygiziş üçüt butişnüü nuntnuu utenin dukikdep nurun*.

Докажи, что достоин бросить вызов самому Богу.

С этими словами Война отворачивается, подставляя Элайдже спину для удара. Окровавленный Фобос медлит всего пару секунд, а затем бросается за мечом Войны. Первая заминка случается, когда он поднимает меч — он слишком тяжелый. Мужчина держит меч двумя руками, но его все равно водит из стороны в сторону.

У меня падает сердце. Вот человек, рискнувший дать отпор убийцам. Я искренне хочу, чтобы он остановил Всадника, но понимаю, что это невозможно. Я видела мощь Войны — его не победить.

Война оборачивается, в руках у него ничего нет. Красные кожаные доспехи запятнаны чужой кровью, а подведенные черным глаза смотрят прямо и безжалостно. У него есть еще один клинок, но Война не достает его из ножен, даже когда противник приближается. Элайджа наступает, лицо его искажено праведной яростью:

— Ты думал, что я буду просто смотреть, как ты убиваешь нас?

— *Tuz utırtı juni şuur üçüt öniüt dip atna üçüt ituuzı vokgon.*

Ты именно этим и занимался, а ведь мы уже оставили позади семнадцать городов.

Семнадцать? Семнадцать?

Мужчина спотыкается, он с трудом удерживает меч, силы покидают его. Должно быть, Элайджа и сам понимает, что сражаться бессмысленно, но все же бросается на Войну с ненавистью во взгляде. Он почти настигает Всадника, стоящего неподвижно, точно скала. Он из последних сил поднимает меч для удара. Война не двигается.

— *San sunin nırşırsını suksugın tönörö ukvuyn.*

Тебе не вынести моей ноши.

Словно в ответ на вызов, всадник Фобоса обрушивает меч на противника. Война с легкостью уклоняется от удара, золотые украшения в его волосах пока-

чиваются и блестят. Элайджа едва не падает вперед, поднимает облака пыли, пытается удержать тяжелое оружие. Спустя несколько мучительных секунд ему удается развернуться, и он снова бросается на противника. Всадник спокоен, однако я чувствую, что за его расслабленной позой скрывается огромная сила.

— *San Tuduydin urtin nüšütüü süstün eses*, — насмехается он.

Тебе не постигнуть волю Божью.

С пронзительным криком Элайджа опять наступает, широко замахиваясь мечом. И снова Война отступает, легко уклоняясь от удара. Элайджа тяжело дышит, меч в его руках дрожит. На это больно смотреть, но хуже всего то, что я болею за Элайджу — наверное, единственная из всех здесь собравшихся.

Война преодолевает разделяющее их расстояние и перехватывает запястье противника. Элайджа вынужден убрать одну руку, и гигантский меч тянет его к земле. Всадник склоняется к противнику, его следующие слова едва слышны:

— *Sani övütün urtin nüšütügö süstün eses, vurok San senin öç nüšünön.*

Тебе не постигнуть волю Его, но мою месть ты узришь.

Все происходит очень быстро. Я слышу хруст, затем крик. Элайджа роняет меч, прижимает сломанную руку к груди. Война перехватывает тяжелый меч в полете, вынимает из ножен второй меч, поменьше. На долю секунды их взгляды пересекаются. А следом Война обрушивает на противника два клинка, точно

ножницы. Кровь заливает все вокруг, половина тела Элайджи отлетает в одну сторону, половина — в другую. Приходится собрать все силы, чтобы меня не вывернуло наизнанку.

Толпа оживает, ликует. Мир сошел с ума.

Вкладывая клинки в ножны, Война уходит, оставляет мертвое тело на осквернение жителям лагеря.

Проходит меньше часа, и меня вызывают в шатер Войны.

В сопровождении угрюмых всадников Фобоса я прохожу через лагерь. Впервые за все время, проведенное тут, оказываюсь в секторе военачальника.

На сегодня налеты окончены, и солдаты Войны бродят между палатками, курят, играют в карты. Несколько человек бросают в мою сторону заинтересованные взгляды, но большинство даже не замечают женщину, которую ведут к военачальнику.

Сразу понятно, какой шатер принадлежит Всаднику. Он стоит в стороне от остальных и, хотя палатки Фобосов гораздо больше моей, его шатер превосходит их размерами. У Войны настоящий дворец из ткани, освещенный снаружи дымящими факелами. В метре от входа в шатер всадники Фобоса отступают, оставляют меня одну перед входом в логово Войны.

Сердце бешено колотится в груди. Со дня Пришествия Всадников я повидала немало дерьма, пора бы привыкнуть. Но не получается. Я боюсь. Боюсь этого места и того, что оно делает с людьми. Страшусь того,

что готовит мне будущее. Но больше всего меня пугает Всадник и то, чего он желает от меня, особенно после сегодняшней безжалостной расправы.

— Входи, — подгоняет меня один из Фобосов.

Выдохнув, я делаю шаг и оказываюсь в палатке. Первое, что бросается в глаза — сам Война, сидящий на лавке, его мощное крепкое тело. Всадник по-прежнему облачен в алые доспехи, покрытые пылью и кровью. Меня он замечает, когда начинает расстегивать наручи.

— Мириам, — произносит он вместо приветствия. Я с трудом перевожу дух.

В шатре стоит стол, пара стульев, кровать и несколько сундуков, в которых, должно быть, хранятся трофеи. Повсюду яркие коврики и подушки, и... оружие. Мечи и кинжалы, секиры, луки и стрелы занимают все поверхности. Похоже, ему очень нравится все, чем можно резать и колоть. Смертоносное, роскошное оружие, но я не могу рассматривать его сейчас — не могу оторвать взгляд от хозяина жилища.

— Зачем я здесь? — спрашиваю, останавливаясь у входа.

Война замирает. Откладывает снятый наруч и встает. Его подведенные глаза встречаются с моими. Колени слабеют, когда все его внимание сосредотачивается на мне. Как же он красив — особой красотой, присущей всему, что несет гибель. Резкая линия подбородка, полные, порочные губы, и пронзительные глаза.

— Как ты, жена? — спрашивает он. — Наслаждаешься жизнью?

Нет.

Мне с трудом удастся не отшатнуться, особенно когда Война делает шаг в мою сторону. Между нами по-прежнему несколько метров.

— Я слышал, твое утро было полно приключений, — продолжает Всадник.

Он следил за мной?

— И? — я едва заметно вздрагиваю.

Война снимает ножны. Я смотрю на меч, которым меньше часа назад разрубили пополам живого человека.

— Мне сообщили, что ты делаешь оружие, — как бы между прочим замечает он.

На мгновение закрываю глаза. Должно быть, тот солдат все рассказал Войне. И передал мои слова о том, что Всадник якобы позволил мне выйти за пределы лагеря. Меня пробирает дрожь. Я сама видела, как он только что поступил с предателем, а теперь он знает, что я тоже бросила ему вызов.

— Очевидно, я поддержал твои планы.

Вот почему у меня строгие правила насчет лжи. На ней легко попасться. Открываю глаза и дерзко вздрагиваю подбородок. Всадник идет ко мне, и каждый его шаг предвещает недоброе. И вот он близко — слишком близко.

— Не впутывая меня больше в свою ложь, — понизив голос, говорит он.

Я слышу невысказанное предостережение в этих словах: *Иначе я накажу тебя.*

Суд Войны ужасен настолько, насколько можно представить. Всадник пристально смотрит на меня.

— От тебя стоит ждать неприятностей, да, жена? — И Война сам же отвечает: — Да, несомненно.

Он преодолевает разделяющее нас расстояние, кожаный доспех касается моей груди. Он так близко, что я вижу золотистые искорки в его глазах. Пугающих глазах, прекрасных и пугающих.

— Ошибаешься, если думаешь, что меня это злит. — Его улыбка выглядит зловеще. — Все в тебе создано специально для меня.

Высокомерный ублюдок! Держу пари, он считает, что все люди созданы для его развлечения. Чтобы мучить их и убивать. Не отводя взгляда от моего лица, Всадник поднимает руку и проводит пальцем по моей ключице.

— Увидев тебя, впервые в жизни я *возжелал*. — Его слова пронзают меня насквозь. — И вот ты здесь.

Глава 7

Пальцы Войны замирают на моей коже.
— Тебе почти удалось сбежать. — Всадник отстраняется и принимается за второй наруч, расстегивая ремни. — Хорошо, что только почти.

Он воистину бесчеловечен. Никто в этом мире не вызывает во мне такого страха, только он.

За последние несколько дней я дважды пыталась избежать Всадника — сначала ценой смерти, потом — побега. Если он, действительно, столь безжалостен, каким хочет казаться, меня ждут серьезные неприятности.

— Ты в самом деле умеешь делать оружие? — спрашивает Всадник.

Я колеблюсь с ответом, не понимая, к чему он клонит.

— Не так, чтобы очень хорошо... — отвечаю спустя пару секунд.

— То есть «да»? — Война поднимает голову, и я неохотно киваю в ответ.

Взгляд Всадника устремляется к моим губам.

— Отлично. Тогда необходимым оружием для армии займешься ты.

Вот еще одна гребаная причина, почему никогда и ни за что нельзя нарушать второе правило и лгать. Теперь у меня есть работа, которую несколько часов назад я сама и придумала.

— Я не смогу ничего сделать без своих инструментов, — отвечаю ему. — А они остались в квартире.

Несколько долгих секунд Война внимательно смотрит на меня, видимо, пытается понять, не очередная ли это ложь.

— Где ты жила?

Жила. В прошедшем времени.

Я все еще смотрю на Всадника, когда приходит осознание: Война считает, что вся моя прежняя жизнь осталась в прошлом; теперь этот палаточный лагерь — мой дом.

Немного помедлив, называю адрес. В обычной ситуации я бы ни за что его не выдала, но... раз Война считает, что сможет достать мои инструменты, пусть попробует. В конце концов, в ближайшем будущем мне вряд ли представится возможность отсюда сбежать — за мной слишком пристально следят.

— Я могу идти?

Взгляд Войны опять устремляется ко мне. Несколько мгновений он смотрит на меня, а затем сосредотачивает все внимание на доспехах.

— Ты ведь не веришь в Бога, правда? — спрашивает он.

Кажется, мне еще нельзя уйти. Сама того не желая, удивленно поднимаю брови:

— А что?

— Просто любопытно. — Уголок губ Всадника чуть приподнимается, словно в словах его таится шутка, смысл которой мне понять не дано.

— С чего вдруг?

Война снова ловит мой взгляд:

— Подойди и расскажу. — Дразнит ответом, как приманкой.

Я делаю маленький шаг в его сторону. И снова эта улыбка, только теперь она кажется чуть менее веселой и более опасной.

— Трусость тебе не к лицу, жена.

— Я не трушу, — огрызаюсь с безопасного расстояния.

Его темный взгляд многозначительно останавливается на мне:

— Тогда докажи это.

Будь храброй.

Спотыкаясь, подхожу еще ближе, чувствую запах пыли и пота.

— Действительно, не трусишь. — Всадник внимательно смотрит на меня. — Что же касается твоего вопроса... любопытно, что ты не веришь в Бога, ведь я-то существую.

— А что в этом странного? Ты не Бог.

Я верю в то, что Война — не человек. Он сверхъестественная сущность. Во все остальное поверить

сложнее. Всадника мои слова и прозвучавший в них вызов совершенно не впечатляют.

— Да, я не Бог, — соглашается он.

Война отворачивается, снимает поножи, а я резко выдыхаю, оставшись без его внимания. Не представляю, почему это кажется такой потерей. Каждый раз, когда Всадник устремляет на меня взгляд, меня пробивает дрожь.

— Я верю в Бога, — говорю ему. — Но не в твоего.

Моя мать была иудейкой, отец — мусульманином. Я выросла, веря во все и ни во что.

— Плохо, — отвечает Война, глядя на меня, — потому что ты Его, кажется, заинтересовала.

И вновь тянутся дни налетов; дни, которые начинаются с грохота копыт, а заканчиваются кровавым парадом.

Лишь на четвертый день звуки становятся иными. Проснувшись, моргаю, глядя на ветхие деревянные подпорки палатки. Снаружи доносятся женские голоса. Протираю глаза, сажусь, сдерживая зевок. Колено упирается в кучу веток, занимающую большую часть моего жилища. Война выполнил свою часть договора — мне позволили собирать древесину, из которой я делаю оружие. Но хожу я с сопровождающим, конечно.

Скатившись с тюфяка, подхватываю ботинки и обуваюсь. Затем расчесываю пальцами волосы. Последнее время я сплю в одежде — не рискую остав-

лять что-либо без присмотра в лагере, где двери не запираются, — поэтому просто расправляю рубаху и выхожу на улицу.

Палатки вокруг разобраны и упакованы. Я в замешательстве оглядываюсь, мимо пробегает женщина.

— Извините, — окликаю ее, — а что происходит?

Она удивленно смотрит на меня, как будто все и так понятно.

— Мы переезжаем.

Переезжаем.

Даже сейчас, когда палатка превратилась в кучу шестов и ткани у моих ног, от одной мысли об этом все внутри сжимается. Я не ожидала, что лагерь будет переселяться. Хотя именно так и ведут себя захватчики — снимаются со старого места, совершают набег, и снова в путь, навстречу новым грабежам.

— Мириам.

Я едва не подпрыгиваю от прозвучавшего за спиной голоса, оборачиваюсь и вижу двух мужчин с красными повязками на руках. Всадники Фобоса.

— Военачальник желает видеть тебя.

Внутренности снова сводит спазм. С последнего разговора с Войной миновала половина недели, и я никак не могу понять, боюсь ли очередной встречи с ним или предвкушаю ее. За прошедшие дни я убедилась: даже если у Войны и был ко мне какой-либо интерес, он уже пропал. Наверное, Всад-

ник нашел себе новую женщину, и теперь изводит ее, называя женой.

Роскошный шатер Войны еще не убран. Внутри я вижу хозяина, облаченного в черные штаны и рубаху, на поясе у него висит кинжал. Он стоит на коленях у открытого сундука, спиной ко мне и моим провожатым.

— Господин, — говорит один из всадников Фобоса, — мы привели ее.

Война отвечает не сразу. Прячет вещь, которую держит, в сундук, захлопывает его и проводит ладонями по крышке.

— Свободны, — говорит он на обычном иврите. Видимо, бережет свою тарабарщину для официальных речей.

Воины отступают, я тоже пытаюсь ускользнуть вместе с ними.

— Не ты, Мириам.

Замираю, волосы на руках встают дыбом. Хотелось бы мне сказать, что это от страха, но в голосе Войны слышны особые нотки... навевающие мысли о мягких простынях и теплой коже. Перевожу дух и снова оборачиваясь.

Война стоит и смотрит прямо на меня. Он кажется огромным, величественным и страшным. Угроза, волнами исходящая от него, никак не связана с мечом, который он держит в руках. Есть что-то в самой его сущности, что вызывает страх.

Несколько долгих секунд Всадник изучает меня взглядом. Достаточно долгих, чтобы увериться: ника-

кой другой женой он меня не заменил. И мое сердце пускается вскачь.

— У меня для тебя кое-что есть, — заявляет Война.

Я поднимаю брови. Не думаю, что мне нужен его подарок, что бы он там ни приготовил. Но он продолжает стоять и смотреть на меня, и мои брови взлетают чуть выше.

— Так ты собираешься показать мне подарок? — спрашиваю я.

— Сперва мне хочется посмотреть на тебя, жена. Или откажешь мне даже в этой малости?

В его тяжелом взгляде напряжение, и я не знаю, как мне себя вести. Каждый раз, когда мне кажется, что Всадник свернет направо, он сворачивает налево, и наоборот. Четверо суток Война держался от меня на расстоянии, а теперь говорит так, будто все это время жаждал меня видеть.

Не понимаю его.

Но могу отказать.

К сожалению, не успеваю я и слова сказать, как Война устремляется в угол шатра и поднимает валяющийся на земле мешок. Затем неторопливо возвращается — черная рубашка плотно облегает его тело, — и бросает его к моим ногам. Мне требуется всего мгновение, чтобы узнать мою старую холщовую сумку.

Но я же бросила ее в... Быстро поднимаю глаза на Всадника:

— Ты был в моей квартире?

Пытаюсь представить Войну у себя дома, как он осматривается в моей комнате. Скорее всего, он видел вещи, которые я хранила на память о родных. Видел беспорядок на верстаке, который стал еще ужаснее, когда квартиру разграбили, — заметил фотографии на стенах, часы и захламленную кухню, грязное белье, неубранную кровать, и кучу других, слишком личных подробностей. О чем он думал, глядя на мои вещи?

Война не отвечает, и, опустившись на колени, я открываю сумку. Мой взгляд падает на кожаный сверток — чехол для инструментов. Достая его, разворачиваю. В мягких кармашках лежат инструменты для работы по дереву. Откладываю их в сторону и продолжаю изучать содержимое сумки. Вижу там листы наждачной бумаги и пару крепежей. И, похоже, Всадник захватил даже мой топорик и одну из маленьких пил. Он сделал это! Принес из дома мои инструменты. Не ожидала от него такой щедрости.

Поверить не могу, он был в моей квартире... При мысли об этом чувствую себя странно — неловко и незащищено, словно Всадник заглянул мне в голову.

Полог шатра откидывается, входит один из Фобосов:

— Мой господин, пора грузить ваши вещи.

Война кивает, воин подхватывает небольшой сундук и уносит из шатра. Как только Фобос уходит, Всадник подходит ближе, нависает надо мной:

— Поедешь рядом со мной.

— Ты всем своим «женам» раздаешь приказы? — интересуюсь я.

— Думаешь, у меня есть другие? — Война изгибает бровь и жутко улыбается.

В шатер входят другие солдаты, начинают собирать вещи Всадника.

— Тебя проводят, — сообщает Война, уходя. — С нетерпением жду нашей поездки.

Не понимаю, почему мы должны ехать верхом, если есть велосипеды. Они не устают, не требуют еды, не гадают повсюду и уж точно не пытаются лягнуть тебя только потому, что они гребаные темпераментные ублюдки. Однако армия на велосипедах вряд ли вселяла бы страх в сердца людей.

Я еду на жеребце по имени Гром. Он несколько раз пытался пнуть меня копытом, но я все равно должна ехать верхом на этом чудовище, которое считает, что я недостойна сидеть в седле.

Лагерь сворачивают целую вечность. Когда все, наконец, собрано, выстраивается огромная колонна — конные воины, повозки, и бескрайнее море тех, кто идет пешком. Война, величественно восседающий на коне, едет последним. Он вновь облачен в доспехи, огромный меч занял свое место у него за спиной, золотые украшения в волосах сверкают на солнце. Он выглядит так, словно явился из другого времени.

Всадник приближается ко мне.

— Готова?

Я киваю. Можно подумать, у меня есть выбор!

— Тогда следуй за мной.

Он пришпоривает коня, направляется в начало процессии. Толпа раздражается приветственными криками, когда он проезжает мимо, словно это их спаситель, а не жуткая сверхъестественная угроза. Несколько мгновений я наблюдаю за ним, потом заставляю Грома двинуться следом. Люди молчат, но я чувствую на себе их любопытные, испытующие взгляды.

Кто она? Почему едет вместе с Войной?

Еду вдоль всей колонны, в самое начало. Там, впереди, ждет Война. Его взгляд будто изучает меня, пока я медленно подъезжаю. Но стоит мне оказаться рядом, как он молча трогается в путь. Никаких «привет» или «как дела?». Лишь спокойная уверенность, что я последую за ним.

Оглянувшись, вижу, что колонна пришла в движение. Однако она движется медленнее, чем мы. И хорошо — никогда еще я так не хотела отделаться от толпы вероломных предателей. Они плетутся за нами метров пятьсот, но за первым же поворотом мы со Всадником остаемся вдвоем.

Мы едем в молчании. Я жду, когда Война нарушит его — конечно, нарушит! — но он продолжает молчать, устремив взгляд на дорогу.

— Зачем тебе нужно, чтобы я ехала рядом? — спрашиваю я наконец.

— Ты моя жена.

Хочется возразить: «Я не твоя жена». Не то, чтобы это имело значение, но... слова вертятся на языке, однако, вглядываясь в точеный профиль Войны, я пони-

маю: он почему-то уверен, что имеет право так вести себя со мной. Еще несколько секунд я рассматриваю его — от длинных темных волос до изгиба губ и резкой линии подбородка.

— Почему ты думаешь, что я твоя жена? — интересуюсь я.

Взгляд Войны, метнувшись к моей шее, замирает.

— Я не думаю, — отвечает Всадник. — Я знаю.

Черт! Вот она, эта уверенность. Можно подумать, что если Войне и правда предназначено стать моим мужем, я тоже должна это знать.

— Если я твоя жена, почему мы спим в разных палатках? — замечаю я. — И почему мы не...

Замолкаю, чтобы не сказать лишнего. Всадник переводит на меня взгляд. В его глазах светится интерес.

— Продолжай, — подбадривает он. — Скажи это, Мириам.

Я молчу.

— Почему я не сплю с тобой день и ночь и не приковываю цепями к кровати, как порядочный муж? — продолжает он.

Что? Приковывать цепями к кровати?

— Кто, черт побери, учил тебя секретам семейного счастья? — спрашиваю, стрельнув на него глазами.

Серьезно, что за?.. Какой там бог? Настоящий демон, определенно.

— Разве не так ведут себя мужья? — смеется Война, повернувшись ко мне.

Он это на самом деле или все же шутит?!

— А, может, я уже замужем? — Сама не знаю, зачем так говорю. Это наглая ложь.

Несколько мгновений Война не реагирует. Затем поворачивается ко мне, медленно и бесконечно спокойно.

— Да? — негромко спрашивает он. — У тебя уже есть муж, Мириам?

Его голос, эти пугающие глаза... По спине пробегает холодок, и я вдруг особенно четко осознаю: Война — не человек. Это сверхъестественное существо, убивающее без страха и сожалений.

— Нет. — Я не смогла бы солгать под прицелом этого взгляда, даже если бы захотела.

Война кивает:

— К счастью для тебя. И для него.

И снова этот холодок... Никаких сомнений: если бы я была замужем, Всадник, не раздумывая, уничтожил бы моего мужа. Я вздрагиваю. Да он точно демон. Несколько секунд мы едем в тишине, Война оглядывает окрестности, а затем спрашивает:

— У тебя есть семья?

— Была, — отвечаю я через силу. — Но тебе это и так известно, правда?

Всадник был у меня дома. Я предполагаю, что был — ведь он собирал мои инструменты. Он видел фотографии на стенах: родители, мы с сестрой в детстве.

— Что случилось? — интересуется он.

Вы случились! Ты и другие!

Я опускаю глаза, смотрю на свой браслет. Ничего особенного, всего одна бусина на кожаном шнуре — красная нить, на которой он был изначально, давно порвалась. Но этот простенький амулет — последний подарок, который я получила от отца. Он должен был защищать меня от бед.

— Мой отец погиб, когда явился ты и другие Всадники.

Они с коллегой-профессором переходили улицу, возвращаясь в университет после обеденного перерыва. Их сбил автобус.

— Мать и сестра...

Выстрелы оглушают. Мы втроем бежим из города с рюкзаками за спиной. Тогда нам повезло. Но потом... эта лодка, эта жуткая лодка...

— Давно, задолго до твоего появления здесь, в Новой Палестине, шла война. — Война бушевала все время, что люди жили в этом уголке мира. — Мы бежали и...

Я чувствую на себе взгляд Всадника, жаждущий, требующий продолжения, но я не могу говорить. Эта недавняя потеря причиняет гораздо больше боли.

— Их тоже больше нет, — я качаю головой.

Мы едем по пустынной дороге на запад, удаляясь от Иерусалима. Вокруг так тихо, будто у самой земли нет слов, чтобы описать то, что здесь произошло. Кидаю взгляд через плечо в надежде увидеть, что где-то за нами движется остальная процессия,

но последние двадцать минут нет даже намека на ее существование.

— Они следуют за нами, — раздается голос Войны.

Не знаю, успокаивает он меня или предупреждает — возможно, и то, и другое.

— Как ты заставляешь их идти за собой? — спрашиваю. — В бою, а не только сейчас.

Одной клятвы верности недостаточно, чтобы заслужить преданность армии, особенно после тех зверств, свидетелями которых все мы стали.

— Я не заставляю, — говорит Всадник. — Я не стремлюсь заслужить их преданность. Моя миссия — судить их сердца.

Ответ звучит... по-библейски. Тревожно.

— А что насчет моего сердца? — спрашиваю я. — Ему ты уже вынес приговор?

Взгляд Войны останавливается на мне, и он мягко отвечает:

— Твое сердце для меня загадка. Но скоро мы узнаем правду.

Глава 8

На горной дороге ни души, это начинает насто-
раживать. Мурашки пробегают по коже. Не-
ужели все умерли? Но если да, то как? Как мог
Война и войско в несколько тысяч человек не только
сровнять с землей все города, но и зачистить терри-
торию между ними. Что-то здесь не так. Смотрю на
Всадника, он так спокоен, что это пугает еще больше.
Ничто его не беспокоит. Но ведь должно...

«Это не человек», — напоминаю я себе.

Каким бы монстром Война ни был, мне выпала
честь стать его игрушкой.

*Ты переживешь это, Мириам, как пережила и все
остальное.*

Но проблема в том, что впервые за очень долгое
время я сомневаюсь, что просто пережить это —
хорошая идея. Я даже не представляю, что вообще
можно назвать «хорошей идеей». По крайней мере,
сейчас.

Мы проезжаем мимо обугленных руин какого-то
здания, возможно, бывшей мечети или иудейского
храма. Я слышала об ужасах, которые творились

в Новой Палестине во время гражданской войны, но впервые встречаю доказательства этого за пределами Иерусалима. Пощады не было никому, независимо от того, к какой религии принадлежали жертвы. Это стало моим первым уроком на войне — все что-то теряют, даже победители.

Одна гора плавно сменяется другой, третьей. Все это прекрасно, но...

— Куда мы едем? — спрашиваю я Войну.

— К океану.

К океану. Мое сердце пропускает удар.

Повсюду вода и огонь, и... эта боль. Боль, ничего, кроме боли. От ее острых укусов перехватывает дыхание.

Я семь лет не была у океана.

— Все хорошо? — Всадник смотрит на меня.

Киваю, даже слишком быстро:

— Да, я в порядке!

Он на мгновение задерживает на мне взгляд и вновь поворачивается к дороге.

— За время существования человечества вы придумали сотни тысяч слов для всего, что только можно представить, но так и не научились выражать свои чувства.

— Я в порядке. — Ну, уж нет, ни за что не скажу, что на самом деле думаю о поездке к океану.

Полуденное солнце печет голову. Кожу лица стягивает, на предплечьях уже появились красные пятна. Я потею, как лягушка. Искося поглядываю на Всадника, на броню темно-красного цвета.